

ГЮЛЬШАН ТОФИК ГЫЗЫ

ОРЛИНОЕ РАСПЯТИЕ

(Рассказы)

Баку, «Нурлан», 2006

**Гюльшан Тофик гызы.
Орлиное распятие (рассказы).
Баку, «Нурлан», 2006. – 112 стр.**

$\frac{4702000000}{N(098) - 2006}$ **С грифом**

© «Нурлан», 2006

КОРОЛЕВА ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

Моё знакомство с творчеством Гюльшан Тофик гызы началось с рассказов, опубликованных в журнале «Литературный Азербайджан». Скажу откровенно, я сразу же попала под обаяние свежести, чистоты, искренности, которые исходили от этих произведений. Такого не было давно! И сегодня я с огромным удовольствием представляю читателю новый сборник рассказов Гюльшан-ханум «Орлиное распятие». Казалось бы, в рассказах автора нет круто заверченных интриг, острых конфликтов, которые обычно привлекают читателя. Но от них невозможно оторваться! Они читаются, как говорят, на одном дыхании. В чем же секрет такой притягательности? Прежде всего, как мне кажется, в том, что всё написанное пропущено через самого автора. Повсеместно, в каждой строчке мы ощущаем биение её сердца, её тревоги, надежды. Темы, затронутые Гюльшан-ханум, не могут никого оставить равнодушным. Вечные как сама жизнь они заставляют задуматься, поразмыслить, пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды. И что удивительно, о самых сложных вещах Гюльшан-ханум пишет просто, без вычурности, без назидательности. За кажущейся наивностью сюжета и героев просматриваются такие глубокие философские проблемы как жизнь и смерть, любовь и одиночество, человек и его предназначение, связь поколений, взаимоотношения детей и родителей. В рассказах Гюльшан-ханум ярко выражена притчевость. А притча, как известно, несет в себе огромный воспитательный заряд. Как говорится в одном из рассказов, мудрые советы старших – это «золотая монета, опущенная в копилку, вскрыв которую спустя годы, обретаешь немалый капитал». Притчи Гюльшан-ханум в наше непростое время приобретают особое значение. Основываясь на высоких нравственных нормах, выработанных в народе веками, на национальной ментальности, они противостоят тому уродливому, наносному, что,

согласитесь, нередко можно увидеть и на экранах телевизоров, и на страницах сомнительных «бестселлеров», наводнивших книжные прилавки. И я думаю, что Гюльшанханум вполне справедливо была удостоена звания «Королева Восточной Мудрости» на одном из международных литературных конкурсов. Мне хочется пожелать Гюльшанханум больших творческих успехов. Пусть она и впредь радует нас своими замечательными, неповторимыми произведениями, своим ярким талантом. А читателей я поздравляю с возможностью познакомиться с новой книгой талантливого писателя, тонкого психолога, ироничного, но доброго и мудрого человека – Гюльшан Тофик гызы.

Мусаева Белла Сирадж гызы

Профессор, доктор филологических наук

ОРЛИНОЕ РАСПЯТИЕ

Эта мысль посетила меня лет в десять: «Почему люди охотятся на хищников, убивают, боятся их, а себя называют их именами?»

Как-то летом мы ехали с отцом в Губу. Он служил тогда в ВАИ – военной автоинспекции. Было такое подразделение в Советских войсках. Несмотря на неудобства боковых скамеек в армейском УАЗике, тряску на бесконечных кочках и колдобинах, путешествие на таких автомобилях всегда желанно для ребяташек. Почему-то в более комфортных машинах нас укачивало. А прыгающий по неровностям дороги, грохочущий, фыркающий УАЗик с простеньким «бик-бик-бик» и брезентовым кузовом – это просто восторг! И не тошнило, и не клонило ко сну. Наоборот, все время хотелось есть, пялиться на окружающий пейзаж и болтать. Вот мы и ели всю дорогу, запивая бутерброды с докторской колбасой, вареные яйца и пирожки чаем из термоса или солдатской фляжки, которую отдал в наше распоряжение на время пути водитель – грек. Помню даже, как его звали – Ваня Куштулиди.

Человеческая память – удивительная вещь. Порой мучаешься, пытаешься вспомнить события прошедшей недели. Но, зато, в мельчайших подробностях встают перед глазами картины давно минувшего. Так давно, что и подумать страшно... Однажды я вдруг вспомнила клетку из бамбуковых прутиков с огромной бабочкой – махаоном. У нее были бархатистые пурпурные крылья с черными «глазками» и черное брюшко с желтой полосой. Мы с мамой стояли на балконе, и она собиралась выпустить бабочку на волю. Я стала плакать.

– Надо ее отпустить! Ее, наверное, мама ждет. Разве тебе не жалко? – уговаривала меня мама.

Когда я рассказала ей об этом через пятьдесят лет, она очень удивилась.

– Ты не могла этого помнить! Тебе было всего полтора года! Это было в Батуми...

Но ведь я помнила! Вероятно, именно потому, что сама была с «ноготок», та очень крупная бабочка казалось мне гигантской. Ведь я помнила даже шелковистые волоски на желтой полосе вдоль ее брюшка. Похожих воспоминаний огромное множество, и они чередуются, как отрывные листки на стенном календаре: весна, лето, осень, зима, детство, юность, зрелость, ста...старость...

Я расскажу еще о разных листках этого календаря, а пока вернусь к той летней поездке в Губу. Отец окликал водителя Ваню по фамилии: Куштулиди! Так вообще принято в армии. При командире солдат был молчалив и серьезен. Но стоило отцу отлучиться, как это балагур начинал смешить нас разными байками и петь необычные песни на незнакомом и очень мелодичном языке. Я думаю, что и сам солдат Куштулиди был, в сущности, мальчишкой – моему младшему сыну сейчас столько же лет, сколько было тогда греческому парнишке, а я считаю его ребенком...

День был знойный и пришлось остановиться неподалеку от какого-то хуторка, чтоб набрать холодной воды – мотор нашего замечательного зеленого УАЗика перегрелся. «Прижав» машину к обочине, водитель направился в сторону ближайшего двора, а мы с братом побежали вслед за ним. На столбе справа от деревянной калитки темнело какое-то пятно. Издалека казалось, что за перекладину зацепилась тряпка. Но, подойдя ближе, мы остановились в некотором оцепенении: распластав крылья, на столбе был распят ... орел! Мне почудилось, что птица еще жива. А может быть, это ветерок тронул перья на груди с бурым пятнышком спекшейся крови...

– Что это? – спросила я Ваню, указывая пальцем на орла. – Почему его туда прибили?

– Тут наверное, местное гестапо, – не очень весело пошутил солдат, найдя сходство с эмблемой Третьего Рейха. Он стал подзывать мальчишку-подростка, показавшегося во дворе. – Эй, пацан, где тут можно набрать холодной воды?

Загорелый деревенский мальчишка с готовностью отозвался, и сам тотчас приволок ведро воды. Пока он осторожно переливал воду из ведра в наши емкости, Куштулиди расспрашивал его:

– А для чего эта птица к столбу прибита?

– Этот? – мальчик на мгновение оторвался от ведра и бросил взгляд на «распятие». – Цыплят таскал со двора. Брат его вчера подстрелил и прибил туда. Для устрашения, чтоб другим неповадно было. Взяли в обычай домашними цыплятами свой выводок кормить!

– А не жалко?..

– Его – то? Не-е. Их сейчас много в округе. Больше, чем ворон.

– Ну, спасибо, браток, – поблагодарил солдат мальчишку за воду. – Зовут тебя как?

– Шахин, – ответил тот, поставив пустое ведро на землю. – Может, еще что-нибудь нужно?

– Нет-нет, бывай! – Ваня пожал мальчику руку. Как взрослому. – Будь здоров, Шахин!

По пути к машине я еще раз обернулась и посмотрела на пригвожденную к столбу царственную птицу. Кто знает, может быть, где-то там, за теми холмами, не дождалась ее голодные птенцы, и тоже погибли.

– И у нас в деревне так делают, – невесело произнес Ваня Куштулиди, грек с черноморского берега Грузии. Он как-будто читал мои мысли. – Мне тоже это никогда не нравилось...

– Ваня, знаешь, что такое «Шахин»? – спросила я и тут же пояснила, – Сокол. Ну, почти орел. Если орлы так плохи, зачем люди берут себе их имена? Мы с мамой недавно были в цирке. Там хищники выступали. Я не люблю цирк.

Особенно, когда львы, Они такие огромные, красивые, сильные, А дрессировщик худой, в черном блестящем костюме. На балерину похож. И этот «балерин» заставляет львов прыгать через огненное кольцо. За кусочек сосиски!

– Какая тебе сосиска? Сама ты сосиска! – встрял брат, большой любитель кулинарии. – Он льву мясо давал!

– Ну и что? Пусть мясо! А ты сам за кусок мяса в горящий обруч полезешь? – огрызнулась я на вспотевшего от долгого пути толстяка. – Это же лев! Царь зверей! Мне так хотелось, чтоб он выбил кнут из рук дрессировщика и задушил его!

Солдат-водитель как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– У-у, злюка! Она, вообще, вредина. Льва ей жалко, а человека – нет! – гордый своим «человеколюбием» пояснял брат.

– Нет, она умница, – возразил ему Ваня. – Представляю, каково царю зверей так унижаться. А клоуны тебе нравятся?

– Нет.

– Почему? – удивился солдат.

– Мне за них стыдно.

– А что же тебе нравится?

– Мотоциклисты.

– А я цирк люблю, – задумчиво произнес солдат-водитель.

Пока отец с Ваней возились у открытого капота, брат, восторженно жестикулируя, рассказывал об увиденном, о том, как некий юноша подстрелил «противную птицу», которая убивала «бедных цыпляток». Интересно, он жалеет их, когда сам ест? Мне почему-то стало грустно. И очень жаль эту «противную птицу». А «меткий юноша» вовсе не вызывал восторга. Настроение было основательно подпорчено, и весь оставшийся путь я молча разглядывала через небольшое окошечко в брезентовом пологе пробегающий

пейзаж и голубой небесный свод с редкими хлопьями мелких облаков. Иногда, очень высоко, были видны медленно парящие по кругу орлы. Что держало их в небесах? Ведь они даже не взмахивали крыльями. Тогда я еще ничего не знала о воздушных потоках. Я еще многого не знала. Очень-очень много...

Если сопоставить Жизнь с учебным заведением, то сейчас я завершаю докторантуру. Но до сих пор не могу дать однозначного ответа: зачем люди сознательно уничтожают то, чем могут гордиться?

НАУКА БАБУШКИ ХАВЕР

– Ты сейчас в том возрасте, когда видят в ночном небе падающие звезды. Красивое зрелище! Пройдет немало лет, и ты поймешь, наконец, что это всего лишь раскаленные булыжники, – кивая головой как бы в подтверждения свои слов, тихо говорила бабушка Хавер. – Оставшиеся незамеченными мелочи когда-нибудь могут напомнить о себе большими неприятностями.

Бабушка редко с кем-либо подолгу разговаривала. Она не любила «болтливых». Сама говорила тихо, будто рисуя слова, а не произнося их. Если бабушка заводила разговор, необходимо было сконцентрировать внимание – второй раз она редко повторяла. А все сказанное ею было золотой монеткой, опущенной в копилку, вскрыв которую обретаешь спустя годы немалый капитал.

– Я и сейчас знаю что такое кометы? – возразила внучка.
– Знаешь, знаешь, – согласилась бабушка. – Но то знания от науки. В науках ты скоро преуспеешь. Закончишь школу, институт, книжек разных начитаешься, много чего узнаешь. Но ученость – эта еще не мудрость. Моя бабушка светлой памяти Уммен-Лейла, даже грамоте не была обучена. Я и сама ваших закорючек до сих пор не разберу (она писала на «аскиалифба»). Но к бабушке моей многие за советом шли. А после возвращались – с благодарностью. Ты видела, как текут реки? Они бегут от своего начала, наполняясь от разных источников: горных снегов, небесных дождей, ключей, ручейков, мелких речушек, не гнушаясь, ни мутными, ни грязными. Всякая вода наполняет реки, делая их большими! Так и мудрость человека наполняется не только ученостью, но и наблюдательностью, воображением, памятью, ошибками и проступками, покаянием. Молодые люди могут быть очень образованными. Но лишь к старости приходит мудрость. Да и то не ко всем!

Внучка вновь захотела возразить, но поймав бабушкин взгляд, остановилась. Она поняла, что может отбить у нее охоту к беседе. Это было бы не простительно – в «копилку» не опустилось бы несколько «ценных монет».

День был ясный и солнечный. В такие дни принято стирать ковры, перемывать, сушить и взбивать шерсть. На террасах растянуты куски брезента и разложена шерсть для просушки.

– Хавер-хала, почему Вы не стираете? Я помогу Вам! – участливо спрашивает соседка Пюста.

– Спасибо, дочка, – отвечает бабушка Хавер. – Я уж обожду. И тебе не советую. Все равно дождь будет, и весь труд насмарку.

– Какой еще дождь? – смеется Пюста. – Смотрите, какое небо чистое! И ни листочка не шелохнется. Такая теплынь! Самый раз шерсть сушить.

– Как знаешь, детка я свое слово сказала: будет дождь! – уверенно ответила Хавер и попросила внучку принести еще стаканчик чаю. Бабушка сидела на веранде, наслаждаясь майским солнышком, пила чай и перебирала четки.

– Нене, а почему ты так уверена, что будет дождь? – спросила внучка, поставив перед ней стакан на синем блюде с золотой каймой. – Непохоже, вроде. И по радио ничего не говорили.

– Уж лучше б и молчало ваше радио! Все равно врет через слово, – легонько махнула рукой бабушка. – У меня свои приметы есть. Понадежнее ваших говорящих ящиков. Вон, гляди; видишь мурашки сахар стороной обходят?

Бабушка показала глазами на маленький кусочек колотого сахара, оброненного внучкой. Вереница муравьев тянулась к краю веранды и оттуда вниз, исчезая за выступом.

– Ну, и что?

– А то ! Спешат они, раз не манит он их. Муравьи сладкое любят. Но его они едят на месте, – с собой не унести. Раз

не стали «есть», значит совсем скоро погода переменится. Можешь проверить.

– Как? – пожала плечами внучка.

– Брось им на пути хлебных крошек. Девочка покрошила кусочек печенья рядом с муравьиной тропой. Несколько насекомых тут же отделились от строя, потрогали их усиками и, подцепив крепкими челюстями, вновь примкнули с ношей к общему потоку.

– Убедилась? А на сахар время терять не могут. Значит, совсем скоро погода испортится. Ты лучше сними белье с веревки, пока снова не намокло.

Внучка, в отличие от соседки Пюсты, бабушкиным словам доверяла безоговорочно. Она сняла с бельевой веревки ее черную, атласную юбку, малиновую блузу с голубой вышивкой по вороту и большую бабушкину банную сары-гятифя.

– Ай, Хавер-хала, если б все было так просто, для чего существовали бы синоптики? Зачем бы строили кругом метеостанции? Завели бы несколько муравейников, птичек, зверушек– и все дела, – смеялась Пюста. Но Хавер не стала убеждать ее, теряя силы на бессмысленный спор. Она допила чай, помогла внучке сложить белье и унести в дом поднос со стаканами и блюдечками.

Не прошло и получаса, как небо вздулось невесть откуда взявшимися тяжелыми тучами. Резкие порывы ветра стали скатывать в кучу перемытую шерсть, сбрасывая и загоняя ее клочьями в угол двора. За гулками раскатами грома одна за другой, молнии штыками вонзались в горизонт, будто прощупывая его слабые места. И вдруг– как хлынет! Соседки, кляня шайтана (а причем, собственно, онто?) сбивали в узлы намокшую шерсть и тащили под навес тяжелые, разбухшие от воды паласы. Хавер-хала, конечно, слышала шум дождя и суету во дворе, но внимание ее было сосредоточено на полуденном намазе – она совершала бы его, даже случись в тот час землетрясение. А ее внучка

смеялась, глядя на залитую водой, пузырящуюся террасу и снующих по ней мокрых до нитки женщин.

– Ну, Пюста-хала, как тебе наши мурашки-синоптики?

– Это неправильно, когда говорят, что не стоит обращать внимание на мелочи. Иногда мелочи указывают на вещи очень серьезные. Научишься их распознавать – избежишь многих ошибок, – продолжила прерванную беседу Хавер-ханум, перебирая рис. Вздохнув, она добавила, – к сожалению, это мало кому удавалось. Сначала не придаешь мелочам значение, а после бывает поздно...

ВНУЧКА БАБУШКИ ХАВЕР ВСЕГДА ПОМНИЛА ЭТО
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И, ЗАМЕЧАЯ МНОГИЕ
«МЕЛОЧИ», ТАК И НЕ ИЗБЕЖАЛА ОШИБОК.
«КОПИЛКА» МУДРОСТИ ВСКРЫТА, И ТЕПЕРЬ ОНА С
ГОТОВНОСТЬЮ ДЕЛИТЬСЯ ЕЕ СОДЕРЖИМЫМ С
ТЕМИ, КТО ЕЩЕ НЕ ВИДИТ В ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗДАХ
РАСКАЛЕННЫХ БУЛЫЖНИКОВ.

ЯЗЫК ЗНАКОВ

За окном глухо тарахтел разогреваемый автомобиль. И он просыпался с трудом. Склизкое, пасмурное январское утро. Вовсе не хочется вылезать из – под теплого одеяла. Тем более, что сегодня воскресенье. Но досмотреть предутренние сны все равно не удастся: две старушки за стеной – сноха и золовка, – «разменявшие» девятый десяток годов, будто и не прекращали заведенную еще с вечера склоку. Хотя тема семейного скандала мусолится уже почти сорок лет и давным-давно потеряла всякий смысл.

* * *

«500 золотых монет прибавляю к приданному дочери своей Марьям, кои муж ее Кербалаи-Идрис обязан вернуть в десятикратном размере, если разведется с ней или умрет она от плохого обхождения». – Такими словами заканчивалось брачное соглашение («кябин»), заключенное между родственниками жениха и невесты. Далее шли подписи и «бармаг-басма» (отпечатки большого пальца) свидетелей.

Марьям была единственной сестрой четырех братьев, детей почтенного лекаря из Иранского города Решт. Старший брат, Ибрагим, вел торговые дела семьи с бакинскими купцами, где и присмотрел жениха для сестренки – богатого вдовца Кербалаи-Идриса. Два средних брата, Искендер и Исмаил, оба лекари, владели лечебницей в Маранде, где и жили. Самому младшему, Мухтару, было одиннадцать лет. Самой же Марьям тогда едва исполнилось тринадцать.

Мухтару позволили сопровождать сестру, когда она, пряча грустное лицо под черным покрывалом поверх красного свадебного одеяния, поднималась на борт парохода вместе с прибывшими за ней родственниками жениха и теткой-енгя.

Брат-купец, Ибрагим, с тех пор, приезжая в Баку, всегда брал с собой Мухтара. Решил приобщить его к торговому делу. Сейчас мало кто помнит, что граница с Ираном «открывалась и закрывалась» неоднократно и в советские годы. И в двадцатые, и в тридцатые. В 1945 году граница «захлопнулась» окончательно, и Мухтар застрял в Азербайджане. Через три месяца он умер в Шуше, куда были депортированы во время войны «лица без гражданства». Марьям осталась одна с дочкой и сыном, ее престарелый супруг почил еще в канун войны. Вернуться на родину, в Иран, было невозможно. Да и зачем? Дети – советские граждане, которые при получении паспортов в соответствующей графе анкеты записали: «Родственников за рубежом и в заключении не имею».

Принято считать, что при советской власти зажиточные люди теряли все. Не все! – «кубышки» сохранились у многих. Вот и Марьям удалось сберечь те самые «500 золотых монет», оговоренных в брачном соглашении. От покойного мужа и брата Мухтара тоже кое-что осталось. Так что, ни Марьям, ни ее дети особых лишений не испытывали. Даже в голодные военные годы. Марьям не была расточительной (надо сказать, это свойственно всем иранцам), деньги тратила с умом, за что прослыла женщиной прижимистой. Тем не менее, никогда, нигде не работая, она вырастила детей, дала им образование, обеспечила жильем. Время от времени открывалась ее главная заначка, и оттуда извлекались червонцы: к рождению внуков, к покупке автомобиля, к приобретению дорогой мебели или изготовлению зубных коронок – золотые монеты разменивались только для серьезных целей.

Внучку Хавер Марьям обожала. Она рассказывала ей об абрикосовых деревьях в саду, окружавшем дом ее отца. Как они цвели весной! И небо там было голубее, и вода слаще, и хлеб вкуснее. Откуда Марьям могла это помнить? Внучке сейчас столько же, сколько было ей самой, когда она

в последний раз оглянулась на родной берег. Внучка заняла в сердце Марьям место собственной дочери. Минаввар была не в мать – легкомысленная транжирка, падкая до нарядов и развлечений, одного мужа в гроб свела, другого по миру пустила.

Хавер тоже любила бабушку. За добрую мудрость, теплые, ласковые руки, от которых пахло розовыми лепестками (после приготовления пищи бабушка всегда растирала в пальцах несколько розовых лепестков – ох, уж эти иранки!), за сказки, не всегда понятные, но всегда желанные. Закутавшись в клетчатую бабушкину шаль и положив голову ей на колени, она часто засыпала, убаюканная тихим голосом Марьям и костяным гребнем, которым та расчесывала внучке волосы.

– Не кричи, – поучала Марьям девочку, – девушки не должны громко разговаривать. Когда я была маленькой, бабушка учила меня при посторонних говорить тихо. Особенно при мужчинах! В присутствии отца и братьев мы с ней переговаривались только глазами и пальцами.

– Ой, научи, нануля! – упрашивала Хавер бабушку. – Секретный язык – это так здорово!

– Вот, смотри, – с радостью соглашалась бабушка. Прежде она думала что «нынешним» такой язык уже ни к чему. – Когда поворачиваешь лицо влево и немного наклоняешь голову, это означает «принеси скатерть». Или – «постель». Или – «полотенце».

– А как понять, что именно? – Хавер показался сложноватым язык знаков.

– Очень просто! Например, пришли гости, уселись, я дала тебе этот знак – ты же не притащишь одеяло! Конечно, принесешь скатерть. Если гость решил помыть руки, что ты ему подашь?

– Полотенце!

– Видишь, все очень просто.

– Нануля, ты у меня сокровище! Еще! Еще!

– Это означает «приготовьте чай», – бабушка слегка перевернула раскрытую ладонь и тут же опустила руку. – Но знак надо уловить сразу, другие люди не должны его заметить. А то подумают, что ты бестолковая и сама ни до чего не можешь додуматься без подсказки.

Очень скоро Хавер без слов понимала и выполняла бабушкины «приказы». Новая игра пришлась ей по душе. Две ее подружки-одноклассницы тоже подключились к этой затее и, стоя у доски «ловили» подсказки Хавер. На этот случай они придумали свои знаки: подсказки делались исключительно глазами или поворотами головы.

* * *

В начале марта 1968 года с Марьям случилось несчастье. Ее разбил паралич. Сын, дочь и невестка стояли у постели Марьям и пытались понять, что она хочет сказать. Правая ее рука была бездвижна, пальцами левой руки она делала какие-то слабые движения и, издавая нечленораздельные звуки, глазами о чем-то просила.

– Минаввар, надо привезти Хавер, – сказал сын Марьям, – пусть повидается с бабушкой.

– Ни в коем случае! – запротестовала его жена. – Не надо травмировать ребенка! Через два-три дня, когда ей станет лучше, приведем. Лучше забери отсюда ценности, пока не пропали.

– А ты-то чего распоряжаешься?! – возмутилась Минаввар словами снохи. – Уж не решила ли, что они твои? А это не хочешь?

Думаю, не стоит объяснять, какой за теми словами последовал жест, но сцена у постели умирающей женщины была безобразной: золовка и сноха, визжа и бранясь, вцепились друг в друга в волосы, в разные стороны разлетались шпильки и заколки. Мужу одной и брату другой удалось разнять их, лишь влепив обеим по увесистой затрещине. Но

Минаввар в долгу не осталась! Повернувшись спиной к снохе и брату, она задрала подол, обнажив белые ножки в кружевных панталонах.

– Вот тебе «ценности»! – заорала Минаввар и бросилась к комоду. Ругаясь, словно пьяный кучер, она стала рыться в ящиках, раскидав все аккуратно сложенные матерью накрахмаленные и отутюженные простыни, наволочки, полотенца и скатерти.

– А-а-а! Уже сперли, сволочи! – вопила Минаввар, копаясь в комоду и ничего не обнаруживая. Брату пришлось снова вмешаться. А на шум уже стали собираться соседи. Бедная Марьям наблюдала все это безобразия, бессильно шевеля пальцами левой руки и бессвязно мыча. Кто знает, не случись этого скандала у нее на глазах, может быть, она и поправилась бы. Но той же ночью Марьям умерла...

После похорон брат с сестрой перерыли всю квартиру матери, перетряхнули все вокруг, даже ее джанамаз прощупали. Не говоря уж о вспоротых матрацах и одеялах. Но, кроме сберкнижки и ларчика с ювелирными украшениями, ничего не нашли. Золотые монеты, будто сквозь землю провалились! По подсчетам родственников, их не меньше двух сотен должно было оставаться.

Позже ковры и мебель были разделены между братом и сестрой, а кухонная утварь и бессчетное количество банок с вареньем роздано соседям с нижнего этажа.

– Для кого она варила столько варенья? Бог знает, сколько оно стоит. Вон, и засахарилось уже, даже крышки заржавели, – ворчала Минаввар, вытаскивая из-под тахты трехлитровые, закатанные вручную банки с инжирным и айвовым вареньем.

В те годы оставлять за собой квартиры родственников не представлялось возможным, и квартира Марьям была перепродана (по договоренности) соседям.

* * *

Прошло два года. Однажды Хавер помогала матери делать заготовки впрок. Убирая банки в стенной шкаф, она повела головой и ладонью.

– Что это значит? – сердито спросила мама. – Все никак не забудешь бабкины глупости!

– Это значит, что больше банки ставить некуда, – тихо ответила Хавер. – Нужно подыскать другое место.

Мама вдруг побледнела и опустилась на стул, глотая воздух открытым ртом. Через минуту она запричитала, как на поминках. Она била себя по голове и хлопала по коленкам, напугав дочь до смерти своей истерикой.

– О-о-о, пепел мне на голову! О-о-о, погибель на мою душу! Минавар! Чтоб тебя разнесло на кусочки! – причитала невестка покойной Марьям. – Варенье! Банки! Золото!

– Мама, выпей воды, успокойся, – уговаривала перепуганная Хавер, протягивая матери стакан с водой. – Какие банки? Какое золото?

– Я же видела, как она крутила глазами, как шевелила рукой! Зачем я не позволила тебя привести?! Ты бы ее поняла! А эта идиотка, твоя тетя, отдала все банки с вареньем косою Эльмире! – слова застревали у нее в зубах, и она будто сплевывала их.

Обвинять бабушкиных соседей в присвоении золотых монет, которые, предположительно, находились в закатанных банках с подкисшим вареньем? В этом не было смысла. Тем более, что через несколько месяцев после бабушкиной кончины многодетная семья неожиданно для всех съехала с той квартиры в полуподвале. И никто не знает, куда. Оставалось только обвинять друг друга. Что они и делают по сей день.

УСЛЫШАТЬ ОТ ПРАВНУКОВ

Капелька росы, меняя форму, медленно скатывалась по желобку прозрачно-зеленого листочка. Листок, словно не желая расставаться с ней, пытался удержать росинку на заостренном кончике. Но она уже многократно выросла, поглотив другие росинки. Капля влаги срывается с нежного листочка и летит вниз, к корням цветка, чтоб напоить их в предверие знойного дня. Листочек колыхается какое-то время, будто машет росинке на прощание. А рядом, уцепившись за соседнюю веточку. Сверкает в розовых лучах восходящего солнца серебристо-белая паутина. Бурый паучок терпеливо дожидается, когда солнышко подсушит его ловушку, тяжелую от утренней влаги, и какая-нибудь неосторожная муха не угодит в нее. Завораживающая картина пробуждения природы усиливалась мягким музыкальным фоном, а бархатный голос за кадром пояснял, что туристов ожидают все эти красоты и незабываемый отдых, если они посетят «райское» заморское захолустье. На экране мелькал рекламный ролик.

– Какая красота! Сколько в мире красивых мест, а твой сын за всю жизнь меня дальше Москвы не свозил! – сокрушалась семидесятилетняя сноха, выговаривая девяностолетней свекрови. Женщины шинковали овощи за кухонным столом.

– Фатму, дочь мационщика, зять с собой в Анталью возил на отдых. А я, видно, рожей не вышла! – брюзжала сноха. – Не ко двору пришлась ни зятю, ни сыну.

– Чем ты недовольна, ай Хураман? – заговорила, наконец, свекровь, Шура-хала. – Тебе хитрец-телевизор голову дурит, а ты все за чистую монету принимаешь. Неужто думаешь, у нас таких красивых зорек не бывает? И что тебе показали? Листочки, росинки, паутину? Выгляни в окно – там этого добра кругом повешано. Снято хитро! Не станут

же они свои мусорные свалки или трущобы рекламировать. По мне, так краше наших мест и нет нигде!

– Хорошо, хоть когда-то в Киеве, Ленинграде да в Москве побывала, – будто не слыша свекрови, продолжала недовольно бурчать Хураман. – Другие, вон, по заграницам шастают! В Турцию, как в Маштаги ездят.

– Бывает, и чаще, чем в Маштаги, – согласилась Шура-хала. – Но я думаю, что многие туземки-иностранки и тебе позавидовать могут. Кто из них в Киеве, Ленинграде да в Москве бывал? А ты еще в Сочи, Ялту, Калининград, Ригу ездила. Помнишь? Еще в Ростове, Тбилиси, Омске, Мурманске была. В Ташкенте, Бухаре, Алма-Ате. Может быть, еще напомнить? Десятка четыре будет.

– Ох, свекровушка! Ох, архивариус! – посмотрела поверх очков сноха. – Ты, случайно, журнал записей не вела? Конечно, сыночка своего выгораживаешь...

– Брось болтать ерунду! Сама уже свекровь, а никак не угомонишься. Чем тебе муж не угодил? Пятьдесят лет вьется над тобой, что мотылек!

– Ну да! Скажи еще, принц он был на белом коне!

– Скажу тебе, дорогуша, – постучала указательным пальцем по краю тазика с овощами свекровь, – что те кони под «принцами» только издалика белые. При ближайшем рассмотрении эти белые кони оказываются обыкновенными серыми ишаками. А без изъяна мужика не бывает. Был один – так его распяли. Две тысячи лет назад.

Услышав последний довод прабабушки двадцатилетняя Нигяр, до сих пор молча разглядывавшая журнал мод, так громко рассмеялась, что старушки вздрогнули от неожиданности. Они совсем забыли о ее присутствии. А девушке доставлял удовольствие спор двух старушек, потерявшие смысл укоры бабушки и остроумные выпады прабабушки. Эта женщина заслуживает того, чтоб сказать о ней несколько слов отдельно.

Гонимая голодным лихолетьем с Украины, теряя в пути родных, оказалась когда-то Шурочка на Кавказе. Исхудавшую черноглазую девчущку приютили сердобольные сестры-старушки, жившие в одном из пригородов Баку. Они стали называть девочку на свой лад, делал ударение на последнем слоге и растягивая букву «у» Шу'ра. Трудолюбивая, почтительная, красивая девушка с Украины обрела на Апшероне вторую родину. Главную! Она носила келагай на манер местных женщин, очень быстро усвоила обычаи, порядки и язык. А вскоре черно-косую красавицу сосватал для своего сына Алекпер-киши. И стала она верной спутницей жизни Ага-Рагима. Родила ему двоих деток. Тридцать пять лет была его супругой, тридцать пять лет – его вдовой. Стала бабушкой шести его внуков и двенадцати правнуков. Шуру-няня все просто обожали!

– Бисмиллах! – прошептала Шура-няня. – Сидит как мышь, и голоса не подает! Ты чего бездельничаешь? Давай-ка, займись крупой.

Внучка послушно под села к столу и уткнулась в миску с рисом, раскапывая и вынимая оттуда редкие плевела.

– Кто же так чистит рис? – возмутилась беюк-няня. Она высыпала рис горкой на стол и быстрыми, ловкими движениями стала пригоршню за пригоршней перебирать его. – Вот как надо! Опозоришь меня, когда замуж выйдешь. Скажут: Что за неумеха внучка Шуры!

– А я тебя с собой заберу! В качестве приданного. Ты у нас любому кухонному комбайну болты утрешь!

– Ну, вот тебе и помощница, – произнесла бабушка Хураман. – Пойду полежу немного.

– Обиделась, – сказала беюк-няня, проводив взглядом сноху. – И в кого она такая ворчливая? Всем недовольна! Разве я ей враг? Не нравится верное слово! Вчера говорит: «Вот бы снова в детство вернуться и жизнь заново начать!» Я ей притчу одну рассказала. Так она до вечера со мной не разговаривала!

– Что за притча? – поинтересовалась правнучка. Она уже заранее предвкушала нечто особенное. Беюк-няня – кладь мудрости!

– Один бездельник, тунеядец, чревоугодник и завистник прожигал зазря свою жизнь в лени да глупости. Явился к нему ангел и посоветовал обучиться какому-нибудь ремеслу, а не вздыхать, глядя на чужое добро.

– В мои годы жизни не изменить! Вот бы в отрочество вернуться! – ответил ему лентяй, грея бока на печи и жуя родительский хлеб.

– Жизнь можно изменить в любом возрасте, – говорит ангел. – Вернувшись в отрочество, ты не вспомнишь прежней жизни и повторишь ее со всеми ошибками. Пойди лучше к пахарям, потрудись в поле, жизнь и переменится.

– Что ты! Что ты! – замахал руками лентяй. – В мои-то годы спину за плугом гнуть?

– Ну, так пойди к лесорубам, с ними поработай, и жизнь станет другая.

– Еще чего! Я не так молод, чтоб топором махать да руки в кровь сбивать.

– В море пойди с рыбаками! Трудно в море, но интересно. И труд почетен и ждаться будут с радостью.

– А вдруг упаду в воду? Я и плавать-то не умею, утопну. Верни меня в отрочество, я и начну новую жизнь.

Ангел желание дурня выполнил. Проснулся он однажды на печи недорослем и мамку зовет:

– Эй, мать! Неси кашу! Да шибче – изголодался я.

– Несу, несу, дитячко! Несу, ненаглядное! – заторопилась к нему матушка...

– Беюк – няня, тебе цены нет! – восхищенно произнесла правнучка. – Действительно, многие так говорят: «Вот бы вернуться в детство!» Но память-то не вернут! И – опять двадцать пять.

– Умница! А бабушка твоя на меня надулась, – покачала головой Шура-няня.

– Все равно она тебя очень уважает. И любит. А ворчит для виду, – ответила Нигяр.– Она нам всегда тебя в пример ставит.

– Ну, спасибочки ей за это! – растрогалась беюк-няня. – Вообще-то, я своей снохой довольна. И жена, и мать и бабушка она замечательная. Ворчлива немного... Помнишь историю с комаром зимой? До сих пор считает меня виноватой. Накаркала, говорит.

Внучка улыбнулась и закивала. Она помнила тот случай. Сейчас он вызывает улыбку, а тогда было жутковато. На оконное стекло сел невесть откуда взявшийся зимой комар. Бабушка замахнулась, чтоб прихлопнуть его, но беюк-няня попыталась остановить сноху.

– Оставь ты его в покое, он и так зимой не жилец.

– Не жилец! Всю ночь пел над ухом, – огрызнулась Хураман и хлопнула ладонью по стеклу. Но, то ли удар был чересчур сильным, то ли холодное стекло стало хрупким – оно с треском и звоном рассыпалось, сильно поранив женщину. Кровь, так и текла из порезанной руки! Все очень перепугались

– Ну вот, – сказала Шура-хала, когда рану обработали и перебинтовали, а вместо разбитого стекла прибили, на время, фанерку, – не уступила комарику полкапли крови. А сколько теперь потеряла? Стоило ли?

Хураман не была расположена принять шутку свекрови и рассердилась на нее.

– Шура-няня, ты у нас самая мудрая, самая незаменимая! – Нигяр чмокнула старушку в щеку.

– Не бывает незаменимых! – ответила беюк-няня. – Но, все равно, я желаю и тебе когда-нибудь услышать это от своих правнуков.

* * *

Шура-ханым соблюдала все предписания шариата и жертвовала на нужды Православной церкви. Она пекла непередаваемо вкусную пахлаву на Новруз-байрам и тающие во рту куличи на Пасху. «Отстань хвороба до самого гроба! – сказала однажды Шурочка и никогда не болела. Некогда было! – Болезни спутники праздности». Она умерла в канун 2000-го года, и душа ее вознеслась на небеса под молитву «Ясин», которой вторили храмовые колокола в далекой Украине...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ «РЕ-БЕМОЛЬ»

Как я ненавидела эти хрустальные часы с зеленым циферблатом! Их стрелки будто и не двигались, и час занятий музыкой тянулся много дольше шестидесяти минут. Внутри циферблата красовалась золотая надпись – «Кристалл». Это были дорогие подарочные часы. Они стояли на крышке огромного пианино «Беларусь» с двумя вмонтированными резными подсвечниками. Инструмент тоже был дорогой. По тем временам, признак достатка и даже роскоши. Но Мария Енакиевна – учительница музыки. Пианино «Буларусь» в ее доме не только музыкальный инструмент, он же и главный источник заработка. А нас, учеников, у нее было немало.

Занятия музыкой оборачивались для меня сущей каторгой. Но они – условие, выдвинутое родителями: если я оставлю фортепиано, мне не позволят посещать кружок живописи и скульптуры в Доме пионеров. Жестокое требование. Приходилось выполнять его, хоть кровь из носу. Так и вправду частенько случалось, слишком велика была нагрузка. В школе полагалось учиться на «4» и «5», участвовать в олимпиадах, конкурсах, прочих мероприятиях. Если прибавить к этому кружок живописи и уроки музыки, нетрудно представить, как обстояли дела со здоровым. Но родители считали, что худоба и носовые кровотечения от плохого аппетита и старались «восстановить» его омерзительным «рыбьим жиром», тошнотворным гематогеном и какими-то витаминками-драже, от которых случалась отрыжка.

Когда во время урока музыки в доме Марии Енакиевны мама или тетя сидели в комнате, учительница была сдержана и лишь в такт нервно прихлопывала по крышке инструмента, громко отсчитывая:

– Раз, и два, и три, и четыре, – недовольно цедила она сквозь зубы. – Стоп! Стоп! Внимательнее! Еще раз сначала.

Я, чуть не плача, начинала (в который раз!) выдавливать чертову фугу из белых языков инструмента пыток марки «Беларусь» и мысленно умоляла сонные стрелки хрустальных часов поскорее изобразить прямую вертикальную линию – в шесть часов урок заканчивался. Сейчас я думаю, что и Мария Енакиевне не меньше меня желала этого. Но тогда мне казалось, что эта высокая, красивая, надменная женщина в черном крепдешиновом платье с серебристо-серый отложным воротом и брошь-бабочкой испытывала наслаждение, рисуя жирные красные тройки с двумя полуметровыми минусами в моем музыкальном дневнике.

– Плохо! Очень плохо! гаммы повторить по пять раз. «Вариации» – по десять раз! – произносила она вслух то, что записывала в дневнике и, обращаясь к сконфуженным родственницам, наставительно и требовательно добавляла. – А вы старайтесь не отлучаться, когда она играет дома. Мне кажется, вы потакаете ее капризам. Вот она и разленилась.

Как это было несправедливо! Я, конечно, иногда чуть-чуть передвигала стрелки часов во время домашних занятий, пользуясь отсутствием взрослых или умышленно «удлиняла» музыкальные паузы. Но это давало в общем незначительную «экономия». Не более десяти минут. И моя небольшая черная «Украина», подарок бабушки, терпеливо сносила ежедневные полуторачасовые пытки. То бишь, мое музицирование.

Мария Енакиевна называла меня бестолковой и неспособной. И это было неправдой! Во всем остальном, кроме музыки, меня считали одаренным ребенком. Учителя в школе мною даже гордились: училась хорошо, без призов с олимпиад не возвращалась, общественницей была образцовой. В доме пионеров тоже говорили о моих способностях и советовали родителям серьезнее отнестись к ним. А уроки музыки были занятием принудительным и нелюбимым. Причина моей бестолковости именно в этом и заключалась. С каким наслаждением хлопала Мария Енакиевна линейкой

по пальцами, спотыкавшимся об октавы, если рядом никого не было!

– Ре-бемоль! Ре-бемоль, тупица! – шипела белорукая красавица – ведьма, вскидывая изломом левую бровь. – Считай! Считай вслух!

Я дрожащими пальцами нащупывала черную «ре-бемоль» и надавливала на нее, как на клопа-кровососа.

– Мягче! Мягче! Это фортепиано, а не барабан! Ре-бемоль стаккато! – резко подхватывала и приподнимала Мария Енакиевна мою правую кисть, отчего я и сама подскакивала на стуле-вертушке.

– Никто не заставит меня сесть за пианино, когда вырасту! Когда же я, наконец, вырасту? – шептала я про себя. Кто знает, возможно, будь Мария Енакиевна нравом помягче, понимай она мои сложности, удалось бы ей разбудить во мне интерес к музицированию, любовь ко всем этим черным точечкам, черточкам, значкам-червячкам, прыгающим по пятиструнным нотным дорожкам и рождающим звуки. Но ей не было дела до педагогических тонкостей. Она учила меня играть на фортепиано так, как кузнец учил бы ковать подковы. Наверное, понимала, что уроки музыки – всего лишь дань моде. Всем девочкам из «приличных» семей полагалось худо-бедно бренчать на пианино. Иногда мы делали это для гостей, которые скучали, но из вежливости улыбались и хвалили нас. На музыку водили даже детей, абсолютно лишенных музыкального слуха. Однако, надо было видеть гордые лица мам и бабушек, в зной и дождь добросовестно волочивших свои чада к учителям музыки и часами безропотно высиживавших в холодных фойе или душных коридорах, дожидаясь завершения уроков.

Но однажды моим мукам наступил конец. Он был неожиданным во всех отношениях. Как-то раз я пришла на урок к Марии Енакиевне, едва держась на ногах. В тот день в школе было две контрольные работы. Затем поездка в Дом пионеров, занявшая вместе с занятиями три часа. К тому же

я замерзла и была голодна. Усевшись за черного монстра «Беларусь», бросив ненавидящий взгляд на хрустальные часы с зеленым циферблатом и пожелав им треснуть, я опустила руки на клавиши. Пальцы еще не отогрелись, были красными и «деревянными». Какое тут «ре-бемоль»! Они даже не сгибались. В ушах звенело от противного голоса недовольной Марии Енакиевны. Я не понимала, что она говорит. Кажется, у меня поднималась температура. Через пятнадцать минут взаимотерзаний Мария Енакиевна вдруг так хлопнула по инструменту, что крышка упала мне на руки, и они оказались в «пасти» черного чудища. Я не шелохнулась. Мария Енакиевна подняла крышку и недовольно прикрикнула:

– Продолжай!

Но я не двигалась.

– Ты что, не слышишь? Время идет! – сурово произнесла Мария Енакиевна. А мне вдруг стала так безразлична ее строгость, все эти бемоли и диезы, фуги и бахи! Я поднялась с места, вышла в прихожую и стала одеваться.

– Далеко собралась? – несколько удивленно спросила Мария Енакиевна. – А ну, марш на место!

Не обращая внимания на ее приказ, я вышла и побежала вниз по лестнице.

Видимо, Мария Енакиевна предварила мое возвращение домой телефонным звонком. Не знаю, что она наговорила, но мне пообещала трепку.

– Делайте со мной что хотите! Можете не пускать меня в Дом пионеров! Можете вообще убить меня! Но на музыку я больше не пойду, – твердо и спокойно ответила я и прошла в свою комнату. Меня знобило, а ночью поднялась высокая температура. Не знаю, что помогло больше, простуда или упрямство, но никакого наказания не последовало. Наоборот, меня... освободили от занятий музыкой! Притом, не отлучили от кружка живописи. Тетя (бездетная сестра отца) мечтавшая видеть меня за инструментом в более

серьезном амплуа, неделю проливали слезы, упрекая племянницу в «неблагодарности и плебействе».

– Я же выполняю все твои желания! Как ты могла так поступить? Бросить музыку! Нет, я этого не переживу! – утирала она свой распухший, покрасневший нос и называла себя «самым несчастным в мире человеком».

Тетя, конечно, «утрату» пережила и не умерла от несчастья. Она пережила даже то, что и мою сестру (к великой ее радости) освободили от занятий музыкой. Вероятно, осознав бесполезность такого насильственного приобщения к моде. Жаль, что Мария Енакиевна не ставила себе целью привить нам, ученикам, любовь к исполнительскому искусству. Небольшая черная «Украина» до сих пор стоит в родительском доме. Никто на ней не играет. Но и расставаться с инструментом почему-то не хочется. Вчера я открыла крышку, и из-под нее выглянули пожелтевшие клавиши. Нажала указательным пальцем ту самую злополучную ре-бемоль. Она зазвучала на удивление чисто. Хороший инструмент!

АИСТ ОШИБСЯ АДРЕСОМ

Джавир-ханым сердито переключала каналы, нажимая на черные кнопки «прыщатника», как она называла дистанционный переключатель. Но этого можно было и не делать – все равно почти по всем телеканалам шли либо блоки новостей, либо осточертевшая реклама омолаживающих кремов, моющих средств и подгузников.

– Исламскими экстремистами вновь совершен теракт... в Израильском городе... в результате взрыва погибли десять человек, – комментировали одни и те же кадры репортеры разных каналов. – В ответ на это израильские военные нанесли бомбовый удар по жилым кварталам палестинского города... Ответственность... взяли на себя...

– Да бросьте брехать! «исламские террористы», «израильские военные»! – в который раз с возмущением восклицает Джаваир-ханым. – Эти еще с добиблейских времен драли друг другу бороды, почему зря! Нет же – надо придать всему религиозную окраску. С моим дедом Ибрагимом по соседству жил еврей Абрам и немец Абрахам. Тезки. И все трое прекрасно ладили друг с другом. И их дети ладили, и внуки, хоть и разъехались кто куда, а все равно дружбу не прервали. Самая отвратительная нация на свете – это политики. Все зло от них! А простые люди всегда друг с другом общий язык найдут.

– Тебя бы, няня, на трибуну, – усмехается внук, оторвавшись от компьютера и потягиваясь. – Всех политиков за пояс заткнула бы.

– А ты не шути! Чем я хуже Агахана? – повернулась к нему лицом бабушка и, глядя поверх очков, стала пояснять. – Есть у нас один дальний родственник. Так себе, голь пережатая. Беден, как церковная мышь, а имя родители ему дали – Агахан. Сыновья у него Агабек и Агалар. Дочь – Агабегим. Амбиций, что у павлина бесхвостого, свою кандидатуру в депутаты выдвигал.

– Выбрали?

– Ага! Догнали и еще раз выбрали! Вот, полюбуйтесь на эту «помолодевшую» пигалицу! – ворчит бабушка, переключив канал и вновь наткнувшись на рекламу крема от морщин. – Можно подумать, в ее возрасте появляются морщины. Да она еще вчера памперсы демонстрировала! Покажите мне старушку, у которой разгладились морщины от вашего топленного собачьего сала, тогда и поверю.

– На то она и реклама, – заступился внук за «движитель торговли». – Ты у нас Фома Неверующий, нигилистка.

– Почему же? Вот, расписал мужик крем-шампунь от перхоти, так его вранье через три промывки обнаружится. А расскажи он о креме от рогов – отбою не было бы от покупателей. Не проверить же, а все будут утверждать, что помогло.

– Сразу видно, ветеранка-кавээнщица, – засмеялся внук. – НА все ответ готов!

– А в этом ты ошибаешься, – погрузнев, возразила бабушка. – были вопросы, на которые ответ через полвека пришел. И не нужен оказался...

– Так-так-так, – хитро заулыбался внук, придвинувшись поближе к бабушке. – Не спрятан ли скелет в шкафу у моей любимой ненешечки? Колись, бабуля, обещаю хранить тайну исповеди. Твой доисторический шкапик давно вызывал у меня подозрения.

Внук называл «шкапиком» двустворчатый плательный шкаф с большим помутневшим за десятилетия овальным зеркалом и окошечком из цветного стекла на левой створке. Этот шкаф – бабушкино приданое – был изготовлен на заказ специально к ее свадьбе. Дизайн, по нынешним временам, примитивен, внутренние ящики для белья неудобны, все время застревают, а дворцы издают неприятный протяжный скрип. Но, уступая детям и внукам во всех прочих житейских делах, бабушка была категорична и бескомпромиссна в вопросе о судьбе «шкапика», который никак не вписывался

в интерьер. Никому не удалось уговорить ее расстаться со шкафом. Бабушка не согласилась даже на его модернизацию. Отказалась она и от замены помутневшего зеркала. Пришлось во время ремонта, произвести реконструкцию, перестроив стену так, чтобы шкаф не было видно входящим в квартиру. Теперь он стоял у внутренней стены, у двери, которая, раскрываясь, прятала его от посторонних глаз.

– В дождевой луже отражение четче! Что ты в нем видишь? – удивлялся внук упрямству бабушки.

– Все! Тебе сейчас не видно. Это волшебное зеркало. Оно мне иной раз такой сериал показывает, что мексиканские киношники обзавидуются! Ты еще юный и красивый, но в нем выглядишь хуже: зеркало предупреждает тебя, что молодость и красота – не навсегда. Я старая, оно размывает мое отражение, и это не так заметно. Меня зеркало щадит.

– Да ты философ! А шкафик твой просто мудрец – Фрейд отдыхает!

Устав от бессмысленного переключения телеканалов, Джаваир-ханым отбросила в угол дивана «прыщатник» и строго посмотрела на внука. Строго – это громко сказано. Она никогда не могла, общаясь с ним, даже в педагогических целях, напустить на себя правоучительной серьезности.

– Скелетов в моем шкафу нет. Но интересных историй с ним связано немало. Одна из них засела в памяти, как заноза. До сих пор сердце болит, когда вспоминаю! Мы тогда жили на старой квартире, в коммуналке. У нас с твоим дедом была самая большая комната, 20 квадратных метров. Перегородили ее ширмой – стало две. Шкаф этот был еще совсем новый, модный, сверкал глянцем и не скрипел. Соседей я плохо знала, но все казались мне людьми милыми и добрыми. Собственно, так оно и было. За исключением одной особы. Женщины чуть старше меня, очень привлекательной и общительной. Поначалу и она была мне симпатична, но вскоре стала вызывать неприязнь. Я старалась избегать общения с ней. Наши комнаты разделяла стена из

дранки – оштукатуренных деревянных реек. Поэтому все, что происходило за стеной, было отчетливо слышно. Соседка моя, на людях улыбочивая и добродетельная, превращалась в сущую фурию, когда дело касалось ее старшей дочери. Я не понимала, за что мать так невзлюбила собственного ребенка. Била за самую незначительную провинность, а девочке было-то всего пять лет! Однажды, когда мать ушла в магазин, девочка нечаянно разбила фарфоровую статуэтку. Я знала, что ее мамы дома нет, и удивилась, услышав непонятный шум за стеной. Обеспокоенная, я вошла в их комнату (тогда было позволительно заходить друг к другу без стука!): бедная малышка стояла на табуретке перед этажеркой, возле которой валялись ручки и ножки разбитой балерины. От страха быть жестоко наказанной она обмочилась.

– Не бойся, скажем маме, что это я разбила фигурку, – попыталась я успокоить ребенка. – А потом мы ее склеим.

Но тут вошла мать девочки и, увидев дочь на табуретке, а меня подбирающей с пола обломки, догадалась в чем дело.

– Не надо ее наказывать, она нечаянно, больше не будет, – попробовала я заступиться за ребенка. – Прошу тебя, не бей ее!

– Своих роди и воспитывай! – грубо оборвала меня соседка. – Я не буду ее бить. Я ее убью!

Не успела я и глазом моргнуть, как она вlepила ребенку такую оплеуху, что щека вздулась мгновенно. Девочка упала с табуретки и ушибла плечо, на нем образовалась здоровенная ссадина. Мы разругались не на шутку, и я перестала с ней разговаривать. Позже выяснилось, что опасаясь получить трепку от мужа, она уговорила дочку сказать отцу, будто та поскользнулась и упала с лестницы. Подарила дочке за это кусок белой шелковой ленты и «райскую птичку».

– Посмотрите, что мне мама подарила, – хвалилась счастливая малышка, нацепив на голову малиновую птичку из плюша. Она уселась на диван рядом со мной, достала из кармашка кусок белой ленты и стала прилаживать его к своей кукле. – Мама не будет больше бить меня. Она обещала. Она хорошая, правда?

– Как бы не так! – подумала я, но, погладив в ребенка по головке, сказала, – Конечно, хорошая. А ты больше не трогай ничего без спросу.

С ее мамой мы вскоре помирились. Частые ссоры и скорые перемирия были обычным делом в коммуналках. Мы недолго прожили в той квартире. Но в канун переезда случилось еще нечто, что вызвало всеобщий переполох. На вопрос «Откуда берутся дети?» – как видишь, вопрос не нов для всех поколений – мать ударила девочку по губам.

– Больше тебя ничего не интересует, бесстыжая? – рассердилась женщина. – В магазине покупают! За тебя двадцать копеек заплатили – дороговато для такой макаки!

Девочка, не поняв, чем разозлила мать, заплакала. Через некоторое время она осторожно отворила мою дверь и, озираясь по сторонам, чтоб никто не услышал, говорит:

– Тетя Джаваир, мама говорит, что купила меня за двадцать копеек. У меня есть один рубль, папа подарил. Я его Вам отдам, а Вы меня у мамы купите. Купите, пожалуйста! Я буду Вас слушаться, честное слово!

Голос ее срывался до шепота, в глазах дрожали слезки. Я сама чуть не разревелась. Обняла ее, прижала к себе и стала успокаивать.

– Но ведь твой папа очень огорчиться. Тебе его не жалко? – Я не могла найти более убедительных доводов. – Мама пошутила. Детей не покупают. Говорят, что их приносит большая белая птица – аист.

– Лучше бы он меня к Вам принес! – грустно вздохнула девочка. Тут меня стали звать к телефону, и я вышла в коридор. Когда вернулась, девочки в комнате не было. А

через некоторое время начался переполох: ребенок пропал! Искали дотемна, обошли все близлежащие улицы и дворы. Было уже за полночь, но никто из соседей не спал. Женщины всхлипывали, приводя в чувство мать пропавшей девочки, мужчины курили и что-то обсуждали с милиционерами. Ждали кинолога. Когда он пришел и собаке дали понюхать платье девочки, она тотчас кинулась к моим дверям и рванулась к шкафу. Милиционер открыл дверцу и стал унимать разлаявшегося пса: перепуганная до смерти, с обезумевшими от страха глазами, девчушка жалась в угол шкафа, укрывшись за моим новым кабардиновым пальто. Потом с ней случилась такая истерика, что даже пришлось вызвать «скорую». А через несколько дней ее уложили в детскую неврологическую больницу. У бедняжки отнялся язык. Ее долго лечили, чуть заикой не осталась. Их семья тоже вскоре уехала. В Ленинград. Муж той соседки был военнослужащий. Интересно, что стало с их дочкой?..

– Выросла и убила свою мать-мегеру! – сердито произнес внук, молча и внимательно слушавший бабушка. – Четвертал бы такую мразь!

– Не болтай! – осекла его бабушка. – Многие вещи в этой жизни не поддаются простым объяснениям. Наверное, девочка была права: аист ошибся адресом. Только и всего.

ПЛАНЕТА ПАУЧКА

Дверь в кабинет открылась без стука, едва закрывшись за предыдущим посетителем. Респектабельного вида мужчина лет пятидесяти без приглашения уселся на стул перед доктором, жестом указав мальчику лет десяти стать рядом. Но, прежде чем рассказать невропатологу о причине визита, то есть о проблеме ребенка, он преподнес ей толстую книгу в красочной обложке. Переплет был дорогой, а на нем изображение осла, вскинувшего губу в характерном крике. «Ослы и мы» – гласило название. Аида – ханум приняла подарок и, вежливо улыбнувшись, спросила:

– Наверное, что-то сатирическое? «Ослы и шило», – прочла Аида, решив, что «биз» надо понимать как «шило». Ведь эти слова на азербайджанском языке звучат одинаково.

– «Ослы и мы»! – исправил ее ошибку посетитель, надменно вскинул бровь и презрительно поджав губу. – Я человек серьезный и не пишу анекдотов!

– Извините, – Аида почувствовала неловкость. – Вы писатель? Я обязательно прочту Вашу книгу.

– Да-да, и увидите, сколько сходства между ослами и людьми! – одобрительно кивнул папаша мальчика, ёрзавшего на месте и краснеющего. Похоже, бедняге не впервой сталкиваться с бесцеремонностью родителя, вполне оправдающего название книги. Аида была уверена, что отец мальчика не сомневается в своей гениальности и мысленно уже подобрал место для собственного пьедестала.

– А вы, доктор, не замечали этого сходства? – поучительным тоном продолжал посетитель. – И оно не только в трудолюбии и покорности (!)

– А почему бы, собственно, и нет? – ответила Аида в тон самовлюбленному «нарциссу». – Если Дарвин нашел так много общего между нами и обезьянами... вероятно, и с ослами сходства не меньше...

– Именно так! – папаша укола не заметил. Аида уже не сомневалась, что этот «нарцисс» развесил свои портреты по всей квартире. Упёрт на собственной персоне, как самый настоящий осел! И это внушается ребенку. Бедный мальчик воспитывается человеком, лишенным чувства юмора и потенциальным тираном! Ему можно только посочувствовать. Папаша мог уже не рассказывать о проблеме сына – Аиде диагноз был ясен.

Когда уподобивший человечество стаду ослов писака с краснеющим пугливым чадом покинули кабинет, медсестра прыснула в кулачок, с трудом подавляя смех.

– Кажется, он тоскует по своей прошлой жизни, в которой был ослом, – покачала головой доктор. Следующий, заходите, пожалуйста.

– Ей не просто не нравятся клоуны, доктор, – озабоченно вскидывая «домиком» брови и шумно выпуская воздух через ноздри после каждой фразы, говорила женщина, мать семилетней чернявой девочки, грызущей ноготь большого пальца, – она становится агрессивной при виде их! Разве это нормально? Ну, скажите, как ребенку могут не нравиться клоуны? Все остальные дети смеются, прыгают от восторга, хватаются за них руками. А эта злючка чуть не плачет от досады! Так безобразно вела себя на чужом празднике. Представляете, укусила хозяйскую дочку!

– Возможно, был какой-то момент, связанный с шутковством и оставивший у нее тягостное впечатление, – отвечала ей Аида, осмотрев девочку. – Не надо драматизировать. Я выпишу успокоительного, а Вам лучше обратиться к детскому психологу и обязательно прислушаться к его совету.

– Что?! Вы думаете, у нее психическое заболевание?! – ухватила за «рифленую» голову мамаша. – Позор! Что люди скажут?

– Я же не сказала – к психиатру! К психологу, – подавляя неприязнь, тихо проговорила Аида. Как и с предыдущим посетителем, опыт подсказывал ей, что родители

очень часто сами провоцируют болезни детей. А в данном случае у ребенка абсолютно исключалась какая-либо патология. Мамаша оказалась ей дамой амбициозной, и уровень амбициозности намного превышал уровень интеллектуальности. Эдакая «Пустите Дуньку в Европу». Ее больше волновало, что скажут люди, а не состояние ребенка. Да, кажется, предыдущий посетитель был недалек от истины...

– У Вас замечательная дочка, – продолжила Аида, погладив девочку по голове. – Посмотрите, какие у нее лучистые, умные глаза! Попытайтесь понять ее и не навязывайте своих решений относительно клоунов. Если честно, мне они тоже с детства не нравились. И, знаете, почему? Однажды я посмеялась над мальчиком-дурачком. Он жил по соседству с нами. Я стала передразнивать его, кривляясь с гримасничая. Ох, и влетело мне тогда от родителей! Мать так отшлепала за насмешки над больным мальчишкой, что впредь ни один шут-кривляка не мог рассмешить меня. Действительно, почему нельзя смеяться над убогим и необходимо хохотать над убожеством? Вы не согласны?

Доктор вдруг заметила, что мамаша немного растерялась, а в глазах девочки блеснула странная искорка – колючая и недобрая. Аиду осенила догадка: кажется, угодила в точку!

Обратная дорога домой была не короткой – от конечной до конечной остановки маршрутного автобуса. Все сорок минут пути доктор Аида-ханум вспоминала сегодняшних эксцентричных посетителей и маленьких пациентов, особенно девочку, невзлюбившую клоунов. Думала о другой девочке из давних воспоминаний, о ее матери, в сердце которой для дочери никогда не было места. Эта обида жгла ее всю жизнь. Жжет и сейчас. Иногда случались в плотной полосе недопонимания и черствости узкие щелочки, в которые проглядывал слабый свет материнского внимания. Такие просветы образовывались, если успехи дочери становились предметом гордости близких, и внимание матери

было, скорее, самолюбованием. Да, именно так. Ни одного поцелуя, ни одной ласки или нежного слова! «Деточка, доченька, милая», – такие слова ни разу не сошли с языка этой крикливой, самодовольной, лживой и алчной женщины, обожающей сплетни и интриги. А уж как она сама могла их закрутить! Когда мать расчесывала ее длинные косички, она буквально рвала ей волосы. Но если девочка вскрикивала от боли, била по голове и ругалась. Слезы приходилось глотать. Ей казалось, что она пьет соленую воду пригоршнями.

Автобус выехал на северную окраину города, и здесь, в скверах еще лежал снег. В центре он уже почти растаял. Аида улыбнулась, увидев в окошко маршрутки детишек, собирающих снег с капотов автомобилей. Они лепили снежки. Густой снежный покров – такая редкость в наших краях. Сколько радости он приносит детям! Вот так, однажды и девочка из давних воспоминаний заигралась во дворе зимним вечером. Кувыркаясь в снегу, она промокла насквозь, но вовсе не замечала этого. Было так хорошо!.. Ну и влетело ей от матери тогда! Удары ладонью по мокрому телу жгли похлеще раскаленного утюга...

– Ах, ты, маленькая дрянь! – орала мать, терзая ребенка. – Как мне сушить эту одежду? В чем завтра в школу пойдешь! Попробуй, заболей, мерзавка – воды не подам!

На следующий день, возвращаясь из школы, девочка увидела своих сверстников, ныряющих в сугробы и снова не удержалась – соблазн был так велик! Ух ты, как здорово запрыгивать в эти пушистые белые холмики! Но по пути к дому страх быть снова наказанной заставил ее превратиться в бессовестную притворщицу. Побив себя по влажным щекам и оторвав пуговицы от промокнувшего насквозь пальто, она, громко всхлипывая, стала рассказывать матери, что какие-то незнакомые мальчишки затолкали ее в сугроб и закидали снежками. Девочка так вошла в роль, что не могла остановить потока слез и соплей. Вынудив врать, ей поверили! Было противно... Зато не наказали. За что мать так

невзлюбила свою старшую дочь? Наверное, не была еще готова к материнству, а братья – пагодки не дали возможности к этому состоянию привыкнуть. Отбив жениха у подруги, она поспешила женить его на себе. Еще не родившаяся дочь оказалась орудием принуждения. Кроме того, она ждала рождения белокурого, светлоглазого мальчика. А родилась очень смуглая девочка-дурнушка. Были и другие причины. Да Бог с ними! Так или иначе, но нелюбовь матери заразила девочку неприязнью к ней. Сегодняшняя взбалмошная мамаша и маленькая пациентка напомнили Аиде ту девочку. Пациентке, что расстраивается при виде клоунов, повезет, если в ее жизни появится любимое занятие, увлечение, приносящее радость. Иначе мать – самодурка сделает ребенка нравственным калеккой. Девочка может замкнуться, превратиться в зверька, а когда вырастет, накажет свою мамашу какой-нибудь жестокой выходкой. Наверняка и у этой замазанной белилами и румянами женщины красуются на стенах собственные портреты. Аида знала, что дети родителей, обожающих свои увеличенные фотоснимки, через всю жизнь проносят болезненные осколки в душах. Последствие этого могут быть очень печальными.

Грустные мысли рассеял на короткий миг крошечный черный паучок. Он сплел свою паутинку между стенкой и передним сидением. Упрямец! Очень может быть, что прибирая в салоне, не раз проходились по ней веником. А он плел ее снова и снова. Сидит, вот, поджидает какую-нибудь моль, выедающую дырку под затертыми чехлами.

– В удивительном мире живет этот паучок, – думала Аида. – Автобус для него, все равно, что планета, которая движется по неизменному пути. Он и не знает, что за стенами маршрутки существует другая жизнь. Как космос. А метла, сметающая время от времени паутинку, не более чем каприз стихии: сорвала паутину – сплетет новую. Будет он жить и жить на своей планете – маршрутке и учить потомство выживать на ней. И может быть, расскажет

паучатам, как совершил кругосветное путешествие, облизав все щели в автобусе.

Аида улыбнулась, представив, как необъятный, вселенский взор сопровождает движение планеты Земля со всеми ее обитателями, наивно полагающими, что за пределами их планеты все обстоит именно так, как они считают. А что, если Земля – это космический живой организм, которому мы досаждаем, как блохи? Оттого она и «чешется» частенько, пытаясь избавиться от слишком уж вьедливых. Но мы продолжаем плести на ней паутинки и учим этому свое потомство.

Автобус подъезжал к конечной остановке, но домой идти не хотелось. С каждым годом все тягостнее возвращаться в дом, увешанный и уставленный фотографиями кокетливо позирующей дамы. В дом, где тебя не любят. Аида не сошла с автобуса на конечной. Снова вернулась на нем в противоположный конец города. Сделав еще один длинный круг на маршрутке, приехала домой около одиннадцати.

– Кто там? – крикнула из комнаты мать, услышав шум в прихожей.

– Я, – коротко ответила Аида.

На этом их общение закончилось. Сейчас Аида ляжет спать, а рано утром сбежит на работу. Завтра она подменит кого-нибудь на дежурстве...

ЭКЗОТИЧЕСКОЕ БЛЮДО

– Ой, мамочки! – вскрикнула тетя Муся, ухватившись ладонями за щеки. В ее небольшой эмалированной кастрюле с восхитительным куриным супом плавал отвратительный черный таракан. Бедная старушка чуть не плакала от досады. Теперь придется слить в уборную ароматный бульон и отдать котам Анны Трофимовны золотисто-желтого цыпленка!

– Зачем же котам? – запротестовал сосед Какуш, оскорбленный расточительностью тети Муси. Он протянул женщине почерневший от жира чугунок. – Слейте сюда, я сам съем Ваше экзотическое блюдо!

– Но там таракан! – изумилась старушка. – Ты и его ... съешь?

– Нет, конечно, – Какуш ловко выловил ложкой таракана и стряхнул в мусорное ведро. – Не отравил же он Ваш суп. Подумаешь, таракан – только и всего-то! А кричите, будто бомбу в супе нашли.

Злорадно улыбнувшись вслед тете Мусе, с раннего утра пытавшей его ароматами стряпни, Какуш отправился в свою комнату, бережно неся полный до краев чугунок с супом из свежего цыпленка. Старой соседке и на ум не пришло бы (а ведь не впервые!), что таракан оказался в кастрюле не сам по себе. Порассуждай она хоть чуть-чуть, сообразила бы, что черные тараканы днем не выползают, на потолок не забредают. А по горячим бокам эмалированной кастрюли в нее не так-то и попадешь. Тетя Муся слишком хорошо думала о людях. Даже о Какуше.

Прозвище «Какуш» он получил в далеком детстве. И оно было вполне справедливо: увлекшись непомерным для детского организма количеством поглощаемой жизни, он частенько не замечал, как часть содержимого желудка опорожнялась в штаны. Когда Какуш пошел в школу, его всегда сажали за крайней первой партой, поближе к выходу.

Учительница позволяла ему выходить (точнее, выбегать) из класса без разрешения, если приспичит. А такое случалось довольно часто и предвлялось зловонием в воздухе, очень быстро заполняющим помещение классной комнаты. Никто не хотел сидеть с ним за одной партой. Не удивительно, что друзей у Какуша не было. Не появились они и позже. Но это его не удручало. Он чувствовал себя вполне комфортно и без друзей. Ни страх быть наказанным, ни брезгливое отношение сверстников не могли возобладать над его любовью к чревоугодию, ставшей единственным искренним чувством всей жизни. Оскорбительное прозвище, вызывающее недоумение неосведомленных, не осталось в детстве, а переросло из имени нарицательного в собственное. Но и это не корбило его. В пятьдесят лет его так и называют – Какуш. Поглощение всего съедобного (и не очень) тоже осталось любимым занятием. А сон или разговоры о еде в промежутках между ее употреблением занимали оставшиеся недолгие часы светлого времени дня. Единственное печатное издание, выпущенное в 1953 году, которое Какуш с удовольствием перелистывал время от времени – это толстенная кулинарная книга с многочисленными красочными иллюстрациями. Если не брать в расчет полученного усилиями родителей аттестата об окончании восьмилетки и диплома техникума Пищевой (!) промышленности, никакого срезного образования у Какуша не было. Ну, какая, скажите на милость, наука пробьется к заплывшим жиром мозгам? Собственно, и наличие таковых можно ставить под сомнение. Скорее всего, его небольшой череп, несоответствующий в пропорциях многопудовому телу, наполняла некая тестообразная субстанция, отвечающая за минимальное количество рефлексов. Самый развитый из них, как сами понимаете, прием пищи. Каков может быть его облик? Это нечто среднее между дряблокожим моржом, провонявшей прогорклым маслом старой чугунной сковородкой, свиньи с лицом

гориллы и хлюпающей помпой, опущенной в канализационный люк. Орел, ничего не скажешь!

– Целый месяц в банке, без еды, а еще жив! – Задумчиво протянул Какуш, глядя на заключенную в баночке изпод майонеза бронзовку и жуя баранку. Он прислонился к дверному косяку и стал тереться об него, как слон о баобаб, одновременно почесывая живот выше пупа. – Интересно, сколько еще протянет, если не кормить?

Эксперимент над несчастным жуком, на свою беду случайно залетевшим в окно, был поставлен от скуки. «Опыты» над большими черными тараканами уже надоели. Теперь Какуш просто прыскает на них дихлофосом, но подолгу не убирает агонизирующих насекомых, наблюдая за их муками. Один такой уже вторые сутки лежит под столом, опрокинувшись на спинку и скрестив лапки в «пятой позиции». Жив еще – усы подергиваются. Если до завтра не подохнет, Какуш утопит его в унитазе.

– А что если набрать этих тварей и поджарить? Едят же люди разных насекомых, – вдруг осенила его мысль. У Какуша даже спина перестала чесаться. Он вспомнил увиденное недавно по телевизору блюдо из жаренных на кокосовом масле пальмовых червей. Туристы ели и, кажется, им нравилось. Ночные гости, тараканы, величиной почти как те черви. Наверное и белка в них не меньше. Лапки и усы, пожалуй, лучше оторвать. Надо только собрать их побольше. Штук, эдак, пятьдесят.

– Многовато, – размышлял, почесывая брюхо, Какуш, – столько и за месяц не наловить. Да и как наловить?

Тугодуму Какушу пришлось напрячь свои куриные мозги, чтоб сконструировать примитивную ловушку для тараканов. Придумал: нашел в кладовке литровую кефирную бутылку, завалившуюся невесть с каких пор, поставил на деревянную подпорку под острым углом.

– Надо бросить туда приманку, – сообразил Какуш. Он вынул из холодильника батон колбасы, отрезал тонюсенький

кружочек, но, поразмыслив, отщипнул от него крошку и бросил в бутылку. Остальное отправил в рот. Повертел колбасу в руках, затем толсто нарезал ее, сделал бутерброд и мгновенно умял его. Заел куском сала, громко рыгнул и стал устанавливать ловушку.

– Хороший улов, – довольно потер руки Какуш, когда через три дня в бутылке копошился десяток омерзительных усатых тварей. – Куда бы их отсыпать? Если так пойдет, за неделю до горлышка наполнится.

Вот и нашел занятие – по душе пришлась Какушу затея с отловом черных тараканов. Он поставил бутылку на подоконник, сам уселся напротив, в скрипучее засаленное кресло. Какуш стал с интересом разглядывать своих пленников. За окном стоял теплый апрельский день. Хорошенькая девушка в модных туфельках с легкомысленно задранными кверху носами поджидала кого-то, нетерпеливо теребя пуговицу и слегка размахивая сумочкой. Неподалеку, у газетного киоска, не отрывая глаз от девушки, стоял парнишка. На ветвях старого дерева лопались почки, сбрасывая на землю коричневую шелушистую корочку.

Там же, наверное, сидел и Амурчик. Наслаждаясь чирканьем воробьев и созерцанием пробуждающейся природы, он подзабыл о своих обязанностях. Когда спохватился и стал торопливо прилаживать золотую стрелу к серебряной тетиве, девушка, взяв под руку подоспевшую подружку, ушла. А парнишка у газетного киоска, засунув руки в карманы кожаной куртки и поежившись, будто от холода, еще долго провожал ее погрустневшим взглядом. Но ничего из происходящего за окном не интересовало Какуша. Там был другой мир, в котором только запах булочной-пекарни, что за углом, может быть привлекателен для него. Сегодня окно, как наглухо закрытая между двумя мирами граница, аромата слоеных пирожков и сдобных булок в комнату Какуша, наполненную смрадом, не пропускает. Какуш уставился на помутневшее от времени и тараканьих слез стекло кефирной

бутылки да так и задремал. Ему почудилось вдруг, что из бутылки доносятся приглушенные голоса. Он протянул руку к бутылке, но она выскользнула и опрокинулась.

– Бежим, братцы! – кричали тараканы, разбегаясь в разные стороны. – Это животное и живьем нас сожрет! Один, самый нервный, спрыгнул с подоконника прямо на Какуша и быстро-быстро пополз вверх, к подбородку. От неожиданности Какуша сковал страх, он не мог и пальцем двинуть. А таракан с отгрызанными усами и помятой спиной, стремительно преодолевал сложный путь к черным отверстиям ноздрей своего мучителя. Он так же стремительно проник в левое отверстие и стал протискиваться все выше и выше, вперед – тараканы не умеют пятиться, такого механизма природа не предусмотрела. У Какуша от ужаса свело челюсть, и он не мог закричать. Становилась трудно дышать, а руки и ноги обездвижили и висели как ватные. Протискиваясь меж выпуклостями и неровностями содержимого черепушки Какуша, таракан, натренированный многодневной толчеей в кефирной бутылке, рвал, расталкивая колючими лапками, капилляры и ткани. Через несколько минут кровь залила заплывший жиром мозг Какуша, в который вгрызался разъяренный черный таракан, понявший безвыходность своего положения.

* * *

В коммунальной квартире напротив шел ремонт. Каждый раз, проходя мимо комнаты Какуша, рабочие морщились от зловония, исходившего из щели незапертой двери. Сталкиваясь с Какушем в длинном захламленном коридоре, рабочие старались побыстрее обойти его.

– Тьфу ты! От этой жирной вонючки несет хуже, чем из канализации, – качали головами строители-ремонтники. – Неужели он никогда не моется?..

Но последние несколько дней стало просто невозможно пройти мимо комнаты Какуша, не зажав руками нос и рот. Один из рабочих, не выдержав, толкнул ногой дверь Какуша и остановился на пороге как вкопанный. Жуткая картина предстала его глазам: Какуш сидел в кресле, руки и ноги его обвисли, голова втянута в грязный ворот рубахи, а безобразно выпученные мертвые глаза уставились на кефирную бутылку с дохлыми черными тараканами, что стояла на замызанном подоконнике. С трудом, подавляя приступ тошноты, мужчина бросился к туалету. «Скорую» и полицию вызывал уже сотрудник ЖЭУ.

– Как жил, так и помер, – брезгливо поморщился управдом. – Кто-нибудь знает его родственников?

ЛЕКАРСТВО ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ

Инна Юхаевна лежала на старом затертом до светлых пятен коричневом кожаном диване. Правой рукой она поддерживала повязку на голове, прикрывающую лоб и виски. От нее пахло мятными каплями и корвалолом. Дверь отворилась, вошла соседка Мужда. Инна Юхаевна с трудом размежила веки.

– А-а, это ты... – протянула Инна Юхаевна. Визит соседки привел ее в еще большее уныние.

– Что разлеглась? Голова болит? – недовольным голосом проскрипела Мужда. Инна Юхаевна была права, огорчившись ее приходу, похоже, вечно недовольная всем и всеми старуха намерена вновь завести старую пластинку о том, какая она сама хорошая – расхорошая, а дети плохие-расплохие. Осточертела со своим вечным брюзжанием! И было бы хоть слово правды в ее рассказах – сплошная напраслина. Как-раз наоборот: не повезло детям Мужды, матушка их суцая карга! Инна Юхаевна больше полувека прожила с ней в соседстве, верить старухе на слово и не думала.

– Давление подскочило? – сцепив пальцы на пузе, спросила Мужда. Но ей и не нужен был ответ, так, вступление к очередному монологу о «неблагодарных детях».

– Не знаю, – поспешила отнять у нее инициативу Инна Юхаевна. – в голове будто кузница! Впрочем, сама виновата. Представляешь, рассказала внуку, как мы в детстве подражали циркачам-дрессировщикам, учили собачек математике. Мне даже удался номер с умножением, научила соседского щенка тявкать четыре раза на вопрос «Сколько будет дважды два?» Теперь сама не рада – мой внук стал учить своего пуделя отвечать на вопрос «Сколько будет восемью восемь?» Вчера пришлось выслушивать этот кошмар.

– Сумасшедшая! – возмутилась Мужда. – Внук над ней потешается, а она еще и потекает.

– Почему тебе во всем мерещится подвох? – устало протянула Инна Юхаевна. Она уже и не рада была, что рассказала старой брюзге и выдумке девятилетнего внука. – Ребенок хотел похвалиться своим умением, а кто, кроме бабушки это оценит? Даже родители не смогли выслушивать до конца. Кстати, мне и от них был нагоняй. Не могла, говорят, вспомнить какую-нибудь другую историю?

– Вот! – ухватилась Мужда за последние слова соседки. – И твои мать не уважают! Не могут без упрека, чтоб не обидеть мать. Ну, подумаешь, полает щенок немного...

– Сама только что сумасшедшей обозвала...

– А, да... – запуталась Мужда. – Ну и что? То я, а то – твои дети.

– Я ими довольна! – раздраженно произнесла Инна Юхаевна. – И прекрати валить на детей все беды. Сама не подарок! Уж мне ли не знать...

– Защитница! Вот и валяйся грызи свой валидол, запивай валерьянкой и жди, когда о тебе вспомнят.

Тут зазвонил телефон, Инна Юхаевна с трудом поднялась с дивана и подошла к аппарату. Звонил сын. Справившись о самочувствии матери (она ничего не сказала о головной боли), посмеялся над вчерашним номером.

– Мама, ты не представляешь, что творится в нашем доме! – то ли смеясь, то ли сердясь, говорил он. – Этот новоявленный «Дуров» учит Джульку отвечать на вопрос «Сколько будет девятью девять?» Полина ходит по квартире в наушниках. Хорошо, что соседи уехали на дачу. Как быть, когда они вернуться? По-моему, Джульке понравилось изучать математику – все время «просит» задавать ей вопросы на умножение. Мамуля, у нас вечером гости. Мы закинем к тебе Славку с Джулькой. Не возражаешь?

– Конечно, нет! Вот и тетя Мужда полюбуется на нашего ученого песика. Она тут, сидит рядом. Я как раз рас-

сказывала ей про Славика. Жду, приходите поскорее! – Инна Юхаевна положила телефонную трубку и, повеселевшая, обратилась к соседке. – Видишь? А ты говорила, дети не уважают! Надо сбегать в магазин, скоро приедут.

– С собакой?! – обалдело пялилась на нее Мужда. – Она будет лаять по 64 раза?! Ты в своем уме?

– Уже 81-девяток на девять «умножает», – засмеялась Инна Юхаевна. Она не думала о последствиях такой науки. Ее радовал приход внука. Заботливая мать и любящая бабушка была просто счастлива угодить детям и вновь повидаться с внуком. Мужде этого не понять. Она предпочитает сама быть объектом внимания и заботы. Заела всех своим вечным недовольством. Её детям можно только посочувствовать, такой эгоистке и склочнице невозможно угодить. И издержки возраста тут ни при чем – Мужда и в молодости любила быть в центре внимания и свою персону старалась не ущемлять ни в чем.

– И ты согласна сносить это безобразие? – совершенно искренне возмущалась Мужда.

– Ради Славика я согласна и не на такое! – суетилась Инна Юхаевна, протирая на столе. Она повязала на шею свой любимый синий шарфик, положила кошелек в сумочку. – Извини, соседка, мне нужно бежать в магазин. Надо купить ребенку сладости.

– Беги, беги, – недовольно бурчала Мужда, глядя ей вслед и качая головой. – Памятник тебе детки поставят! Надо же, только что умирала от головной боли, – на тебе воскресла, внучек к ней приедет со своим псом!

А не завидуешь ли ты своей соседке, старая себялюбивая?..

НЕ ДО СМЕХА

Белокожая и светлоглазая, она резко выделялась в общей массе смуглых и черноглазых сверстников. Может быть, поэтому ее считали красивой. Скорее за нехарактерный для южан тип, чем за утонченность. О какой утонченности могла идти речь? Грубая, неотесанная, крикливая, тугая до наук, зато падкая до сплетен и интриг – такова суть этой румяной нимфетки местного разлива, которая могла уснуть (и даже всхрапнуть – бывало и такое), если рядом читали вслух из Лермонтова. Потому и не удалось ей осилить более семи классов послевоенной средней школы. А вот продавщицей в галантерейный магазин взяли сразу: хороша, нахальна, артистична – находка в сфере обслуживания. Через прилавок галантерейного магазина пролег и ее путь к удачному замужеству. Здесь крепко увяз в ловко составленных силках юной охотницы за счастьем чернобровый выпускник военного училища. Месяца не прошло как оказался он «под венцом». Матушка его, женщина строгая и консервативная, выбор сына не одобрила. По ней, даже громкий смех неприличен для девушек. Поэтому близко знавшие женщину люди в недоумении пожимали плечами: «Неужели Хумар-ханум даст свое согласие на брак единственного сына с этой пираньей?» Но именно мудрая свекровь до самой смерти оставалась главным тормозом на слишком уж крутых поворотах. Благодаря ей брачные узы удалось сохранить. Узы, заметьте, а не союз! Потому что участников такого брака проще назвать «узниками», чем «союзниками». Серьезной составной частью этих уз стали и четверо детей, которых сноха лихо «отштамповала» за пять лет и которых бабушка просто обожала. Крепкая привязка! Расскажу-ка я вам... Нет, как-нибудь в другой раз. А сейчас заглянем в июльский день, вернувшись в будущее, через пятьдесят лет...

* * *

Старая Мужда изнывала от скуки на даче, куда увезли ее дети на лето. Заодно, и подальше от скандала, едва не разгоревшегося среди родственников из-за ее чрезмерной болтливости. Ну что с ней поделать – так и не научилась держать язык на привязи! Создав старушке все условия для отдыха, дети лишили ее лишь одного – телефона. Дети, внуки, гости, телевизор, обильная пища и теплое море – все это хорошо. Но вдруг старая Мужда пропустит какую-нибудь дурно пахнущую сплетню или интригу? И кому, как не ей лучше других удастся разжечь ее, оставшись при этом как бы и в стороне? Когда-то покойный муж бросил ей в сердцах: «Отрезать бы тебе язык да скормить псам!» Думаю, псы отравились бы.

– Чем опять недовольна? Чего тебе не хватает? – спросил Мужду сын, когда она демонстративно отвернулась в ответ на его приветствие.

– Сижу тут, как в тюрьме! Ни телефона, ни... – Мужда не нашла, что указать в перечне отсутствующих удобств.

– Чего «ни»? – сдерживая сердитые нотки переспросил сын.

– Смерти! – злобно огрызнулась мать.

– А, кстати, о смерти, – спохватилась внучка. – Забыла тебе сказать: звонила Месме, сказала, что кто-то из твоих двоюродных троюродных помер.

– Кто?! – лицо старухи вдруг ожило, поблекшие глаза заискрились, щеки порозовели.

– Не помню имени...

– Хырда? Зумруд? Сафура? Ася?..

– Нет, не помню.

– Дайте телефон, я узнаю!

– Не надо. Я завтра сама разузнаю и сообщу тебе. Все равно в город не поедешь!

– А поминки? Без меня?..

– Твое присутствие покойницу не воскресит. Не волнуйся, мы скажем, что ты неважно себя чувствуешь, давление, сахар и все такое...

Все бы ничего, но стрела была пущена. Старуха Мужда проворочалась в постели до утра, перебирая в уме все возможные кандидатуры на тот свет.

– Скорее всего, это Ася! – заключила она в итоге. – Ася старше всех, давно прикована к постели. Не шутка – два инфаркта в 87 лет!

– Надо сообщить тем, кто еще не знает, – думала Мужда, щелкая протезом и жуя ветчину, завернутую в лаваш. Есть по ночам спрятанный под подушкой бутерброд – еще одна причуда старой Мужды, пережиток голодного военного детства. Когда-то за эту дрянную привычку ей здорово влетало от мужа. И не мудрено: давно жила в достатке и сытости, а глаза все равно голодные! Иногда, прятав в укромный уголок кусок конченной колбаски или сдобный пирожок, она забывала о нем, и очень удивлялась обнаруженной через месяц-другой позеленевшей от плесени находке.

Да, беспокойная выдалась ночка! Мужда представляла, как уложили покойницу Асю посреди комнаты, покрыв табут куском черного шелка, как причитают и плачут ее дочери, внучки и золовки. Пропустить такое зрелище!

– Нет, золовки вряд ли плачут, – рассуждала Мужда. – С чего бы им плакать? Не любили они Аську-то. Радуются, небось. Эх! Нет меня там – вот бы показала, как нужно покойниц оплакивать!

Это точно – в притворстве равных Мужде не было. Войдя в роль горюющей, она даже могла потерять сознание и прийти в себя только после нашатыря. Мастер экстра-класса!

В восемь утра Мужда вышла в прихожую, и тут вдруг увидела сотовый телефон на тумбочке. Он стоял на зарядке. Все еще спали. Мужда осторожно освободила шнур и вышла

во двор, подальше от дома. Затем набрала номер троюродной сестры двоюродного дяди и, напустив горестных нот в дрожащий голос, запричитала:

– Ася-а-а умерла-а-а! Слышала-а-а-? Ой, не могу говорить! Ой, тяжко-о-о!

– Не может быть! Я же только вчера с ней говорила! О-о-о! – заголосила Гюль-биби на другом конце воздушной связи. – Отмучилась, болезная-а-а!

Кто, кому и в каком порядке сообщил печальное известие дальше доподлинно неизвестно. Бесспорно одно: факт кончины 87-летней Аси был явно передернут. Как выяснилось позже, умерла не Ася-хала, а ее 50-летняя внучатая племянница. Внезапно. От инсульта. Но все родственники с раннего утра стали звонить именно к Асе, выражая соболезнование ее дочери. Дочь Аси восприняла слух о кончине матери как чью-то злонамеренную проделку и уже начала браниться с появившимися на пороге опечаленными тетками. Но тут-то и случилось самое ужасное: Ася, поняв причину визита двоюродных сестер, вдруг выкатила глаза, хватая воздух широко открытым ртом и размахивая руками, захрипела и...Померла! В суматохе последующих дней никто так и не вспомнил, от кого изначально исходило известие о смерти Аси. К счастью для старой Мужды.

– Ты выяснила кто умер? – спросила Мужда у внучки, вернувшейся на дачу через три дня.

– Ах, да, тетя Ася. И еще кто-то.

– Вот видите! Я была права, значит, все-таки Ася! – гордая своими безошибочными «вычислениями», проговорила Мужда. – А кто еще?..

ЦЕНА ПРЕСНОЙ ЛЕПЕШКИ

– Посиди часок, пораскинь мозгами ,– папа поднялся с места, оперевшись о край письменного стола. – Ничего сложного! Часа на две задачи вполне хватит.

– Ты чему парня учишь? – «возмутилась» бабушка. – Отец деньгами разбрасывается, сын мозгами. Мозги– не крабовые клешни, заново не нарастут! Лучше внучек книжечку на ночь под подушку положи, а наука оттуда сама прямиком в мозги перетечет.

Бабушка видела, как внук укладывал учебник литературы под подушку, раскрыв его на странице со стихами Лермонтова. Мальчик сердито взглянул в сторону бабушки. А притворялась, что спит!

– А ты бы, бабуля, лучше детям про курочку Рябу рассказывала, чем про престарелых наркоманов! – язвительно протянул он, ошеломив женщину ответом.

– Когда это я им про наркоманов рассказывала? – изумилась бабушка.

– Вчера! Кто говорил: «Смерть Кашея на конце иглы»?

– Вот до этого додумался, остряк, а две простейшие задачки осилить не можешь! – папа дал сыну легкий подзатыльник. Он еще был зол на парня за вчерашнюю выходку. Накануне один из сотрудников привез видеокассету с разработкой нового проекта и, протягивая отцу, сказал: «Нечто похожее я уже видел. Это спорно.» мальчику послышалось «с порно», и он решил в отсутствие отца «насладиться запретным плодом». Но был пойман во время изъятия кассеты из ящика стола и наказан дополнительным часом корпения над ненавистой тригонометрией.

– А еще бабушка просила тетю Веру купить ей три кошки. Черные! И деньги дала. Я сама видела, – проявила «солидарность» со старшим братишкой маленькая Минуша. – Наверное, для колдовства.

– Вы что, сговорились, негодники? – на этот раз по-настоящему возмутилась бабушка. – Какие еще «три кошки»? Черные трико просила я ее купить! Но внучку Минулю бабушкино объяснение так огорчило, что она чуть не расплакалась.

– Так значит, ты не можешь колдовать? – с искренним сожалением произнесла девочка. – А я думала, мы с тобой вместе ворожить будем...

– Откуда эта дурь взбрела тебе в голову? – бабушка от возмущения едва шептала. Она опустилась в кресло, держа за сердце.

– Тетя Вера сама говорила, что под твоим знаком мудрецы и колдуны рождаются.

– Фу ты, черт! – перевел дух папа. До сих пор он с удивлением наблюдал эту картину. – Достали в конце со своими астрологическими бреднями.

– Бабуля, а под каким знаком ты родилась? – поинтересовался внук.

– Под знаком человека! – обиженно ответила бабушка и отправилась на кухню. Когда она вернулась в комнату, от нее пахло валерианкой. Бабушка стала молча убирать тарелки на поднос. Внушка Мина попыталась смягчить обиженную бабушку и принялась помогать ей. Но вряд ли это помогло бы. Только старшей внучке, пятнадцатилетней Зибке, был известен путь к бабушкиному сердцу.

– Не сердись ты на них, бабуля, – ласково погладила она по плечу пожилую женщину. – Они еще глупенькие.

– Глупенькие становятся глупыми, когда вырастают! – в голосе бабушки все еще слышалась обида. Она никак не могла понять, почему ее младшие внуки такие... такие... Какие?.. Бездуховные, наверное. Наступили времена, когда маленькие дети лучше многих взрослых разбираются во всевозможной технике, а доброй сказке предпочитают агрессивные компьютерные игры.

– Тут я с тобой не согласна! – покачала головой Зиба – Правда, не всем дано «хватать звезды с небес». Но, увидишь, и твой внук-двоечник, и Минуля – выдумщица еще порадуят тебя своими успехами.

– Аминь! Только братишка твой все легкие пути ищет. А это, часто, добром не кончается. Рассказала бы я вам одну быль, да не стоит...

Вот он, тот путь, что ведет к бабушкиному сердцу – надо попросить ее рассказать какую-нибудь интересную историю. Она сделает это с большой охотой. И мастерством.

– Стоит, бабуля, стоит! – принялась уговаривать ее Зиба. – Расскажи! Пожалуйста, расскажи.

– Тебя это касается, корыстолюбец, слушай, – обратилась бабушка к внуку. – Одни говорят, другие – что недавно. Третьи утверждают, что и не случилось вовсе...

– Объезжал как-то некий хан свои владения, и решил остановиться на ночь в небольшой деревеньке. Жители деревни очень образовались оказанной им чести. Один бедный пахарь принес хану небольшую пресную лепешку и говорит.

– Господин, этот хлебец испечен из муки первого урожая, что собрал я со своего клочка земли. Прости, что он так невелик. Но, поверь, от чистого сердца!

Хан и сам понял, что пахарь был искренен. Его тронула простота и верность крестьянина.

– Дайте ему столько золотых монет, сколько весит эта лепешка! – приказал хан своим вельможам. Подданные изумились решению сурового правителя. А счастливый пахарь вернулся домой и скоро не только вся деревня, но и вся округа узнала о необычной щедрости хана. Прослышал об этом и один корыстный кази.

– Если за одну пресную лепешку хан так щедро одарил оборванца – пахаря, сколько же он даст мне за корзину сдобных хлебов? – подумал кази и отправился ко двору правителя, навьючив на мула огромную плетенную корзину

с пышными хлебами и здоровенный глиняный кувшин с ароматным медом.

– Прими, хан, от чистого сердца! – поклонился кази правителю. Но хан понял его уловку и отвечает:

– Благодарю, уважаемый. Да только нет у меня нужды в таком количестве провизии. Садись и ешь все сам! – приказал хан. – Все, до последней крошки!

Перепуганный кази принялся поглощать мед и хлеб. Но разве это возможно?

– Ешь, ешь, уважаемый! – усмехался в бороду хан, поигрывая мечам у пояса. А у несчастного кази уже туман стоял в глазах, бубны гремели в голове от съеденного хлеба и меда. Он то плакал, то смеялся. Хана это несколько удивило.

– Почему ты плачешь? Разве не вкусен твой хлеб, не сладок твой мед? А что смешного в твоих муках? – спросил хан у кази.

– Плачу я о своей глупости, хан. А смеюсь над глупостью наместника, который везет тебя в дар целый обоз лепешек!

* * *

– Вот что случается с глупцами и корыстолюбцами! – завершила свою историю бабушка. Она оглянулась на внука и запнулась – он был в наушниках! Но, к ее удивлению, на этот раз не только Зибя с интересом слушала бабушку.

– Когда-нибудь я напишу книгу и соберу в нее твои рассказы, бабуля, – пообещала Зибя и указала глазами на отца, который снова принялся читать газету, делал вид, что и не отрывался от нее.

СЧАСТЛИВОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

По телевизору шел документальный фильм «Тайны Вселенной». Десятки ученых из NASA в напряженном ожидании результатов анализа марсианского грунта. Их не покидает надежда обнаружить хотя бы простейшие формы жизни на красной планете. А диктор пояснял зрителям, какие огромные средства тратятся ежегодно на эти исследования, с единственной целью – знать, что мы не одиноки во Вселенной! Сюжет прерывается рекламой мыла «Safeguard». Если верить рекламе, оно уничтожает 90% бактерий.

– Однако не понимаю: если так стремимся избавиться от родных, земных бактерий, зачем нам марсианские? – пожимает плечами папа. – А может быть, именно из-за них и исчезла жизнь на Марсе? Как думаешь, Лютик?

Кот Лютик слегка приподнимает и пускает пушистый хвостик в знак согласия. Вообще, полное имя кота «Люцифер», и оно очень ему идет. Он угольно-черный, мордастый, с пронзительно-зелеными глазами и длинющими серыми усами. Сейчас папа назвал его Лютиком из-за присутствия бабушки, которую очень коробит кличка кота. Она и без того каждый раз украдкой крестится, ловя на себе колючий взгляд этого беса. А он, будто чуя неприязнь к себе, потягивается на диване, как бы невзначай выпуская когти, и зеваает, обнажая крупные клыки.

– Действительно, – соглашается с зятем теща, расположившаяся чуть поодаль в кресле, – к своим бактериям, вроде, попривыкли. А что их этих, марсианских, выплывать, еще неизвестно.

– Выпляются из яиц, – подает голос двенадцатилетний внук. – Бактерии делятся.

– Точно, болезнями и очень успешно, – кивает бабушка, спуская лицевую петлю на своем вязании. – Кстати, ты температуру измерял?

– Нет еще. Сейчас досмотрю и померю, – несколько растерялся внук. Сегодня у них контрольная по алгебре, и вчера он симулировал недомогание. В душе он очень гордился своей изобретательностью. Так хотелось с кем-нибудь поделиться! Возвращаясь после уроков домой, он зашел в аптеку и купил два ртутных термометра. Дома разогрел их в стакане с теплой водой до 38° и спрятал под матрац. Вечером стал покашливать и жаловаться на озноб.

– Горло, вроде, чистое, – протянула бабушка, заглядывая ему в широко раскрытый рот. – И лоб не горячий. Ну-ка, померь температуру!

Мальчик послушно зажал подмышкой градусник и полез под одеяло. Через несколько минут бабушка взглянула на термометр и ахнула.

– Не может быть! 38° ! – она встряхнула до «нуля» ртутный столбик и снова протянула градусник мальчику. – Померь-ка еще раз.

Внук снова положил его подмышку. Незаметно сменив под одеялом градусник на «дежурный», он убрал запасной под матрац. Такой ход дела можно было предполагать, потому он и купил два термометра. Когда бабушка взглянула на градусник во второй раз, она всерьез забеспокоилась.

– Этого нам только и недоставало! Придется утром сделать вызов. Сейчас уже поздно. И чтоб ни шагу с кровати!

Утром пришел врач и, дважды озадаченно разглядывая градусник со столбиком у отметки $37,3^{\circ}$, сказал:

– Горло чистое, шумов нет. Но, на всякий случай, пусть посидит два дня дома. Там еще два выходных. Думаю, обойдется.

– А что, доктор, есть какая-то опасность? – заволновалась бабушка.

– Честно говоря, признаков никаких, но в вашем здании, в соседнем блоке, у девочки ветрянки.

– Но он ветрянкой уже переболел!

– Тем более. Скорее всего, простыл немножко, – доктор протянул бабушке рецепт. – Если температура снова поднимется, сделаете повторный вызов.

– Верно! – бабушка сердито посмотрела мальчика. – Сама видела, как он пихает шарф в сумку!

– Ура! Четыре дня дома! Да еще – самое главное! – удалось избежать неизбежной двойки за контрольную по алгебре. Пока бабушка о чем-то говорила с доктором в прихожей, мальчик поместил градусники в трубочки – футлярики и запрятал их в потайной кармашек ранца. До следующего раза. Кот Люцифер понимающе урчал, наблюдая за ним. Дразнить бабушку и ему нравилось. На этот раз он был безоговорочным союзником маленького плута.

Бабушка отложила в сторону вязание, поднялась с кресла и отправилась за термометром. Теперь мнимый больной был спокоен, мог покапризничать и не ложиться в постель – все равно, больше «36,6⁰» градусник не покажет.

– А ты, часом, не симулировал, брат? – спросил папа, когда бабушка вышла из комнаты. Легкая улыбка тронула его губы. – Я ведь тоже, бывало, в конце четверти «побаливал», чтоб не испортить четвертных. Если притворялся, то повезло, что мать еще не приехала. Ее не так легко провести, как бабку!

То, что сын ответил не сразу, утвердило отца в правоте своего предположения. Но тут вернулась бабушка и папа замолк.

– Слава Богу! – вздохнула бабушка с облегчением, взглянув на столбик термометра. – Если до вечера не поднимется, значит пронесло.

– Не поднимется! – усмехнулся папа, посмотрев на сына, доедающего четвертый пирожок. – Вон, смотрите, какой аппетит. Больные так не едят.

– Дай-то Бог! – еще раз вздохнула бабушка. – А то жена твоя скажет, уезжала, оставила здорового ребенка. При-

ехала – получила больного. Ой, забыла! Надо же домой позвонить, предупредить, что и сегодня останусь с вами.

– Ну, лицедей, признавайся, как бабку надул? Термометры, что ли, «подкачал»? – продолжил папа, когда бабушка стала говорить по телефону в кухне.

– А ты как догадался? – чуть не подавился пирожком сын.

– Старый номер! Но контрольный по алгебре все равно не избежать, – шепотом произнес папа.

– Откуда ты знаешь... про контрольную!..

– Корешь твой, Саид, звонил. Ты еще спал. Сказал, что у математички ребенок заболел. Контрольную на понедельник перенесли. Так что, советую времени даром не терять и подготовиться. У тебя почти три дня есть в запасе. Думаю, на «тройчок» осилишь.

Ну, какое после этого, скажите на милость, может быть настроение?! Все старо как мир! А он-то думал, что фокус с градусниками – его собственный. Собирался с дружкой поделиться удачным опытом.

– И какое мне будет наказание?.. – угрюмо спросил маленький притворщик.

– На этот раз никакого, – ответил папа, а кот Люцифер одобрительно мурлыкнул. – Молодец, что не стал отпираться. Покаянную голову меч не сечет. Но ты уж к контрольной подготовься, сынок.

А куда денешься? Пришлось отнять у бабушки телефон и, несмотря на ее протесты, устроить «селекторное совещание», разложив перед собой учебники алгебры и тетрадки.

– Завтра позанимаешься, родненький, – пыталась бабушка унять неожиданное рвение внука. – Едва температура упала! Чего доброго, опять подскочит.

– Как подскочит, так и отскочит! – угоюмо ответил мальчик и покосился на отца. – Все в порядке, бабуля. Я хорошо себя чувствую.

Контрольной по алгебре избежать не удалось. Но, как говорят, все к лучшему. Вынужденная тщательная подготовка принесла хороший результат – четверная «тройка» не только стала тверже, но и выросла до «четверки». Бабушка нарадоваться не могла на свое сокровище!

– Видишь, как бабушкино присутствие лечит? – восторженно рассказывала она удивленной дочери. – А ты говорила, что он лентяй! Почутче надо быть к детям, поласковее. Бабушки – они и от лени, и от хвори первейшее лекарство.

Заслуженные хорошие отметки здорово вдохновляют! Их хочется иметь и впредь. Отныне так и было. Правда, кот Люцифер заскучал малость: плутишка хозяйский сынок такой выдумщик был на шалости, а коту до того нравилось дразнить бабушку!

АКВАРЕЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

– Я первая! Чур, я царица! – приготовилась изображать из себя Морскую Владычицу Алагез. Она выхватила из рук Шамсии самоварную насадку с передернутой резинкой, мигом нацепила ее на голову и стала расплетать свои тугие темно-русые косы. Девочки всегда использовали эту насадку в качестве короны, предварительно натерев ее песочком до блеска и очистив от копоти.

– Это нечестно! – возмутилась Шамсия, попытавшись отнять у Алагез «корону». – Ты вчера была королевой! Сегодня моя очередь.

Но было поздно. Приткая кузина приняла царственную позу, усевшись на синий табурет, покрытый куском блестящей парчи – это трон. Очень густые и красивые волосы Алагез были ей по пояс, а большие светло-серые глаза, обрамленные длинными ресницами, неизменно вызывали восхищение всех, и детей, и взрослых. За красоту этой бессовестной лгунье и нахалке прощали все. Вчера разбила бабушкину фарфоровую шкатулочку. И что? Сделала невинное личико, поохала, поохала, похлопала глазами, приложив ладошки к розовым щечкам, и простили! А Шамсия на днях почти час в углу простояла за нечаянно поломанный градусник. Где же справедливость? Неужели люди бывают добры только к красивым?

– Вчера я была Снежной Королевой, а сегодня – Морская! – невозмутимо плутовала Алагез. – У меня и глаза подходят, и волосы. Я буду расчесывать их морскими гребешками!

– Морскими гребешками не причесываются, их едят! – чуть не плача, протестовала Шамсия. – А твои расчудесные серые глазки под водой не будут видны. Будешь как слепая!

Но Алагез уже вошла в роль Морской Владычицы. Она привычно раздавала команды своим «царедворцам», двоюродному брату, сестрам и паре соседских близнецов. Эта

пара семилетних толстушек беспрекословно выполняла приказы своей «королевы»: мыла за нее чашки, чистила песком медный самовар и копоть с большущего эмалированного чайника, подметала веранду. Близняшки скрещивали руки на груди и, покорно опустив кучерявые головки в каких-то нелепых нахлобучках, заменяющих чалму, подолгу неподвижно стояли по правую и левую руку «королевы», ожидая ее повелений. Как им удавалось так долго оставаться без движений? «Наверное, натренировались, стоя в углу», - думала Шамсия. «Королева» называла девочек «рабынями». Они не обижались. То была их роль, и играли ее, как полагается, samozабвенно войдя в образ.

– Прогоните ее прочь из моего дворца! – царственным жестом указала королева-самозванка своей челяди.

– Уходи, уходи! А то прикажет отрубить тебе голову! – замахали руками кузен-визирь и кузины-придворные дамы.

– А у вашей королевы нет палача! – огрызнулась Шамсия. Но, на всякий случай, спрыгнула с веранды и убежала в дальний угол двора. Там, под навесом, был невысокий столик, а на нем стояли баночки с водой и кисточками, лежала большая голубая коробка с акварельными красками «Нева». Остальные обитатели двора не умели рисовать акварелью, предпочитали цветные карандаши и мелки. Поэтому краски Шамсии никто не трогал, и она редко уносила их в дом.

Шамсия разложила перед собой бумагу. Затем вылила на нее воду и стала размазывать ее по листу. Когда он был смочен весь, принялась за рисование. Этой «хитрости» – смачиванию листа перед работой акварелью – другие дети не знали. Их попытки рисовать красками не удавались, рисунки получались грубыми и примитивными. Поэтому и интереса к акварельным краскам ни у кого не возникало. Вот они и оставались нетронутыми, в целости и сохранности. Не то, что карандаши, которые все друг у друга таскали.

Шамсия знала, что будет рисовать сегодня – подводное царство! А в сентябре этот рисунок, вместе с остальными, собранными за лето в тисненной кожаной папке, украсит «художественный уголок» в классной комнате. Уж тут-то Шамсия неизменный лидер!

– Подумаешь, королева! Глаза у нее красивые! Волосы у нее красивые! – недовольно бурчала под нос Шамсия, усиливая тон более темным цветом. Только она знала секрет акварели: нужно начинать со светлых тонов, постепенно доводя их до более темных. И непременно смачивать водой лист! А еще Шамсия знала, что масляными красками работают иначе; тут сперва накладываются, наоборот, более темные тона. – Зато рисовать не умеешь! Вот состаришься и уйдет вся твоя красота! Будешь похожа на горбатую Бястихала. Бабушка же говорит, что эта бабаежка в молодости была самой красивой красавицей-раскрасавицей-закрасавицей. А вот мои рисунки никогда не состарятся!

Шамсия неожиданно замолкла. Кисточка в руках застыла в воздухе. Девочку испугала мысль: если белолицая, румяная, светлоглазая Алагез, состарившись, превратится в такое чудище, какой же станет сама Шамсия, смуглая черноглазая худышка? Шамсия замотала головой, отгоняя удручающую мысль, и продолжила рисование. Интересно, почему ее Морская царица получается такой похожей на Алагез? Шамсия вздохнула с грустью. Ничего не поделаешь – Алагез, действительно, больше подходит для роли царицы. Разумеется, только внешне. Во всем остальном, – Алагез проигрывала даже своим «рабыням». Была ленива, лжива, бестолкова. По арифметике, письму, чтению у нее одни тройки. Да и то – дохлые. Почему ей все прощалось? Неужто, и вправду, красота первее всего?.. Худо тогда придется Шамсие. Будь она самая-рассамая умница, будь хоть трижды умницей, да хоть в космос она слетай – все равно «королева» Алагез останется в центре всеобщего внимания и преклонения!

Так, разговаривая сама с собой и рассуждая о незаслуженном почете одним и невнимании к другим, Шамсия не заметила, как небо нахмурилось (под навесом в тени, этого не так-то и заметишь!). Вдруг начался ливень. Он барабанил по гофрированному металлу и шуршал в листьях старого хартута. Шамсия оторвала глаза от листа с «подводным царством». Весь мир вокруг стал настоящим подводным! «Королева», обронив корону и опрокинув трон с парчевой накидкой побежала в дом. Она растянулась на ступеньках, запутавшись в длинном подоле бабушкиной юбки, а ее «верноподданные» даже не помогли ей подняться. В один миг чудесные темно-русые волосы Алагез растрепались и стали похожи на мокрую паклю. Шамсия наблюдала издали эту картину и хохотала от души. Она не слышала в шуме дождя зовущих ее голосов. Ей вдруг захотелось нарисовать этот залитый водой акварельный мир.

Девочка достала из папки для бумаг большой белый лист и вынесла его под дождь. Смоченная настоящим дождем картина будет самой что ни на есть живой! Ливень скоро прекратился. Однако Шамсия успела закончить свою необычную акварель, которую смочили сами небеса. Какая замечательная получилась картина! Старый хартут, дети, бегущие к распахнутой двери дома, небеса, отжимающие тяжелые тучи, как только что выстиранные огромные пододеяльники – все было здесь, и все было за пеленою акварельного дождя.

Но, когда дождь закончился и Шамсию «нашли», радость от чудесной картины была омрачена наказанием. Как оказалось, ее долго звали, но она не отвечала, и все переволновались. А что было волноваться. Разве не знают, где она могла быть? Была увлечена рисованием, не слышала. Ах, так? Не слышала? А может быть, не хотела слышать?

– Посидишь одна взаперти – живо слух улучшится! – кричала мама.

– Посмотри, лучше, что я нарисовала! – давилась слезами обиды Шамсия, – я не слышала! Честное слово!

– «Посидишь одна!» Нашла чем ее пугать, – съязвил дядя, отец Алагез. – Она и без того, как кикимора-одиночка. Не может нормально играть с другими детьми.

– Хотела быть морской царицей, а ребята меня выбрали, – встряла его лживая дочечка. – Она позавидовала и от вредности убежала.

– Врешь! Никто тебя не выбирал, ты сама себя всегда выбираешь, – закричала Шамсия, возмущенная ее словами. – Разве не так? Скажите, Сабир, Рая, Аян!

Но «царедворцы» промолчали. Решили не вмешиваться. На всякий случай. Не то, вдруг, и самим влетит.

* * *

Картина Шамсии «Акварельный дождь» заняла первое место на конкурсе детского рисунка «Минуло лето». Юную художницу очень хвалили и даже показывали по телевизору. А уж как гордились родители, подвергшие ее в тот летний день незаслуженному наказанию! И сегодня, доставая из старой тисненной папки пожелтевший по краям листок «ватмана» с поблекшими красками летней акварели, Шамсия испытывает смешанное чувство радости и обиды, которое исходит от нее. А ведь прошел не один десяток лет!

ПОЧТИ НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Вы заметили, как быстро стало пролетать время? Нет? Значит, вам нет еще и двадцати пяти. – Да, оно каким – то странным образом сжалось, – поразмыслив, ответят те, кому за тридцать.

– Нет, оно не пролетает, оно мелькает, как фонари вдоль железнодорожного полотна, – абсолютно уверены те, кому под пятьдесят.

– Боже мой! Только вчера было 31 августа, неужели сегодня 31 декабря? – вздыхают остальные.

* * *

Сегодня 31 августа. Значит, скоро Новый год... Пять часов утра последнего летнего месяца. Солнце еще не взошло, но уже выбросило приветственное розовое покрывало на голубое– преголубое небо, сгоняя с него последнюю звезду. Та покорно уступает, тая в небесах, словно снежинка на теплой ладони. Вслед за розовым покрывалом появляются золотые локоны – лучи, а на них зацепилось крошечное белое облачко, будто лебяжий пух с подушки, на которой почивало наше светило. Сейчас оно, не спеша, разбрасывает нежаркие лучи, и некоторые из них ложатся на лазоревую гладь моря.

Я наблюдаю всю эту красоту с верхней террасы нашего дачного домика почти каждое утро, и она никогда не утомляет. Большинство людей воспринимает летнее апшеронское солнце как жерло доменной печи, и с нетерпением дожидается вечерней прохлады. Но, поверьте, повстречав солнце на пороге дня, вы простите ему грядущий зной, жар, жажду, потливость и усталость, которые будут донимать вас.

Отсюда, с террасы, хорошо видно море. Оно недалеко, 7-10 минут пешим ходом. А какие особняки понастроили вокруг короли и короляки нынешней действительности!

Всюду роскошь, блеск и ... заборы. Высокие, крепкие. Очень высокие. По верхнему краю некоторых торчат острые клыки битого стекла, а иные венчают гирлянды колючей проволоки. Неужели по ним и электрический ток пропущен? И для чего возводить такие красивые дома, если прячешь их за высоким забором? Ах, да, грабители... Но разве заборы грабителям помеха? Им и замки суперсложные и то семечки.

Кроме того, у хозяев таких особняков наверняка есть и охрана, и сигнализация, и псы – людоеды. А вот зелени во дворах стало меньше. И то, главным образом, новомодные пальмы, экзотические колючки и кактусы, завезенные хитроумными барышниками из чужедальных каменистых пустынь. Там вся эта чудо-флора произрастает в качестве сорняков. Инжир и виноград, гордость апшеронских дач, вытеснен в дальний угол – мусора от них много! Хозяева нынче предпочитают покупать инжир на рынке, переплатив раз в двадцать. Зато перезрелая инжирина не шлепнется на мраморную плитку, похоронившую под собой целебный золотой песочек, и не оскорбит взора хозяина-эстета своим разверзстым чревом, истекающим медом и собирающим на пир ос и муравьев.

Взгляды кардинально изменились. В том числе, и эстетические. Прежние ценности утратили ценность. Новые – не обрели ее. Когда-то Восток подарил Западу сказочную дворцовую архитектуру с внутренними (!) садами. «Смотрите, как красив мой дом, – как бы говорил хозяин. – Он открыт для друзей и надежен от врагов. Потому, что мы видим друг друга». Взамен Запад «подарил» нам свои образцы разобщенности – дома, окруженные высокими заборами. Ну, да ладно, не буду брюзжать и навязывать читателю мысль о какой-то своей сверхтонченности. Возможно, и тот хозяин-эстет посчитает меня не понимающей истинной красоты. Он не хуже меня, а я не хуже, чем он: Просто мы – разные.

Надо будет рассказать читателю о прежних апшеронских дачах. Они того стоят. Как и их обитатели. Расскажу. Когда-нибудь. А сегодня я сделала «открытие»: ни на одной даче нет кулахфранги. Даже на старых участках они отсутствуют. Но, сперва поясню тем, кто не знает, что это такое. В переводе с фарси «кулахфранги» означает «французская шапка». Так назывались с четырех сторон открытые для ветра деревянные постройки на стояках или сваях, с навесной крышей, похожей на шляпу Наполеона. Отсюда и название.

Кулахфранги были прежде обязательным атрибутом всех без исключения дач. Скажу больше: на некоторых участках, кроме кулахфранги, не было других строений. Заборы между участками в те времена тоже почти отсутствовали. Дворы условно обозначались невысокими перегородками из природного камня в 3 – 4 ряда, либо «живой изгородью» из лозы, привязанной к стальной проволоке. Чаще всего говорили так: «От этого инжира до того хартута – участок Мамеда. А от того валуна до колодца – двор Ахмеда». Даже смешно по нынешним временам.

На кулахфранги всегда было тенисто и прохладно. Здесь мы играли в забытую ныне игру «чумур-чумур». Тут же детей днем укладывали спать. Самое ненавистное время для всех детей во все времена – время дневного сна! Разумеется, и мы его не любили. Но режим был обязателен, его требовалось соблюдать, и в два часа дня нас, семерых кузин и кузенов от семи до десяти лет отправляли спать на кулахфранги. Интересно, как это получалось, что вовсе не желая спать через десять минут почти все дети «вырубались» часов до четырех, а то и пяти. Все ...кроме меня. Ну, что мне делать тут одной, неспящей? Скучать, ворочаться и мешать другим? Уговаривать старших избавиться от дневного сна – дело бесполезное.

– Не хочешь спать, просто лежи и отдыхай, – говорила бабушка. – Мне бы дали возможность вздремнуть часок! А я должна еще ужин приготовить и белье постирать.

Как бедная бабушка управлялась одна, без стиральной машины и газовой плиты? Тогда их и в помине не было на дачах. Пользовались, главным образом, керосинками. Холодильники заменяли глубокие каменные колодцы, а электроутюги – тяжеленные чугунные «даш уту». Стирала бабушка в огромной жестяной ванне. Мы помогали ей, поднося воду (холодную), в конусовидных эмалированных жбанчиках.

Ах, извините, возвращаюсь к кулахфранги. Так вот, я категорически не желала спать днем. И нашла выход. Лестница наверх просматривалась с веранды, где хлопотала бабушка. А вот задняя стенка почти примыкала к ограде и была увита виноградной лозой. Уцепившись за край барьера, я бесшумно спрыгивала на мягкий, горячий песок, проползала под проволокой ограды и убегала. Возвращалась тем же путем.

Убегала – громко сказано. Я просто бродила по песчаным колеям, иногда доходила до станции, иногда забредала в деревню, примыкавшую к дачному поселку. Четкой границы здесь не было. В это время дня солнце палило нещадно, песок раскалялся, от камней исходил жар. Какая радость в таких «прогулках», не лучше ли было дремать на тенистом кулахфранги? Сейчас понимаю – глупое упрямство, дух авантюризма. Вот и нашла однажды приключение на свою голову. Нет не на станции и не в деревне. Как-то раз, вернувшись из очередного «побега» ко времени пробуждения и только уцепившись за стояк, чтоб взобраться наверх, слышу за своей спиной.

– А я вот скажу твоей бабушке, что ты не спала и на станцию бегала!

Я оглянулась. За кустом не сразу заметила соседского мальчишку. Все, пропала! Редкий змей, вредный, продажный, ябеда! Никто его не любил. Я не знала, что делать, растерялась. Он это понял.

– Ладно, не скажу, если рубль дашь! – прошипел этот змей.

Вымогатель! Откуда я возьму рубль? За эти деньги мы покупаем пять кирпичиков серого или три батона белого хлеба. У меня в кармашке есть, правда, двадцать копеек – для лото.

– Не-е, – поморщился змей, – мало.

– А если не достану рубля, донесешь?

– И не сомневайся! И бабушке скажу, и родителям, – изголялся аспид.

Родители – это посерьезнее. Бабушка еще простила бы.

– Слушай, бери 20 копеек и катись отсюда. Донесешь – и этого не получишь!

– Зато ты получишь! Да еще как! – не унимался змей. Сейчас бы его назвали рэкетиром.

– Наверное, бабушку твою тоже поругают, что не уследила...

Это уже удар ниже пояса! Обстоятельства в один миг уподобили меня «врагу».

– Ну, хорошо. Только я завтра тебе отдам, когда меня за хлебом пошлют, – пообещала я.

– А хлеб как купишь? – удивился моему ответу «рэкетир».

– Скажу, что потеряла деньги, поплачу, поверят, – не моргнув глазом, ответила я.

– Молодец, соображаешь! – восхитился моей находчивостью деревенский плут. – Я тут тебя завтра ждать буду.

Он, конечно, меня не дождался. Потому, что я отныне добросовестно выполняла предусмотренный режимом «час дневного сна».

– Ты обманщица! – попытался упрекнуть меня «рэкетир»-неудачник. – Отдавай мой рубль, а то скажу бабушке и родителям!

– А кто тебе поверит? Я днем сплю, и все это знают. Никуда не убегаю. Сам виноват. Взял бы тогда 20 копеек, я тебя предупредила! – хлестала я негодяя его оружием –

«непорядочностью». Но уж лучше обмануть его, чем бабушку. А уж как я гордилась, что провела того плутишку!

Вот такой случай вспоминался мне, когда ранним утром разглядывала я с верхней террасы нашего старенького дачного дома маленькое белое облако, зацепившееся за золотой солнечный локон. Наш забор и сейчас взрослому по пояс. Но кулахфранги уже нет. И не заметила, когда его не стало! Соседи распродали свои участки. И нынче на них красуются особняки с нелепыми и неуместными пальмами и кактусами.

Какое сегодня число? Ах, да, 31 августа. Скоро Новый год...

ВОЗДАСТСЯ КАЖДОМУ!

– Мир дому твоему, дочка, – поздоровалась с молодой хозяйкой, отворившей дверцу в воротах, пожилая женщина в платке, повязанном на манер паломников. Разжав ладонь, она показала ей компас и, смущаясь, спросила, – Не позволишь ли, милая, совершить намаз у тебя во дворе? Не успела я до кого-нибудь кровя добраться, а удобного места вокруг не вижу. Я тебя не стесню, хозяйюшка. Вот, прямо тут, у стены, устроюсь.

– Что вы такое говорите, тетушка? Проходите в дом, – ответила хозяйка. Она загнала в клеть огромную черно-бурую овчарку, угрожающе рычащую за спиной, и провела старушку к входу. – Молитва у очага – благодать в доме!

– Проходите в эту комнату и прикройте дверь, если хотите. Никто Вам не помешает, – хозяйка показала странице, где та может совершить омовение, и ушла за чистым полотенцем. Пока нечаянная гостья определяла компасом нужное направление и расстилала извлеченный из узелка коврик, хозяйка вытерла дорожную пыль с ее стоптанных башмаков, поставила их у порога и отправилась готовить чай и еду для нее. Молодая женщина была воспитана в духе традиций учтивости и почтительности к старшим. И, тем более, как отказать человеку, попросившему разрешение помолиться в доме? Кто же в этом откажет? После молитвы накормит, напоит гостью, а уж потом спросит, кто она и откуда. Старушка выглядела очень утомленной. Похоже, путь ее был не короток. Край платка, закрывающего лоб намок от пота, а подол длинной черной юбки побурел от пыли. То, что она не местная, видно сразу. Откуда же появилась тут эта невысокая, благообразного вида набожная старушка с усталыми глазами, милой улыбкой и ласковым, журчащим, словно ручеек, голосом? Минут через пятнадцать гостья отворила дверь, вышла в прихожую и, окликнув хозяйку, поблагодарила ее.

– Бог вознаградит тебя, дочка, – говорила она, пытаясь втиснуть распухшую стопу в черный башмак. – Вот не-задача, ноги отекли! Ничего-ничего, я скоренько. Ухожу, ухожу уже...

– Пока не поедите, не отдохнете, и не подумаю Вас отпускать! – засуетилась хозяйка. – Проходите сюда, в комнату. Я уже и чай приготовила, и обед разогрела. Куда Вам спешить? Муж к вечеру вернется, подвезет Вас куда надо.

– Неловко мне, дочка, – старушка прослезилась от смущения. – Мало тебе беспокойства, так еще и супруга твоего заботить! Чего доброго, побранит тебя.

– Что Вы, что Вы! – заулыбалась хозяйка. – Какое беспокойство? И он будет рад такой набожной гостье.

Наевшись и напившись, странница устроилась поудобнее в глубоком мягком кресле и немного рассказала о себе. Выяснилось, что много лет назад дала она обет посетить святые места. Да не просто так, а, по возможности, пешком. Много, где удалось побывать: хадж совершала, священные города и святые могилы посетила. Сейчас, вот, от «Шахи-зинда» идет.

– Не слышала о таком зияретгахе. Где это, Хаджи-ханым? – поинтересовалась молодая женщина.

– Откуда же тебя знать, дорогая, – понятно закивала головой странница. – И старики-то не все о нем знают. То был благочестивый отпрыск святого рода. Во время намаза ворвались неверные в дом и отрубили ему голову, когда он поклоны клал. Но отнялись у них языки, и попадали сабли из рук нечестивцев: не прервал старик молитву! А после, завершив ее, поднял свою отрубленную голову и лег в заранее вырытую могилу. Знал он наперед о своем смертном часе! Прозвали это место «Шахи-зинда» – Живой повелитель. А теперь держу я путь к мечети Биби-ханым. Внутри нее есть огромный раскрытый Коран из белого мрамора. Кто пройдет под ним – найдет исцеление от недугов. А кто

положит на него ценный дар – обретет исполнение самого заветного желания. Не корыстного, разумеется.

– Видишь это кольцо? – продолжала странница, показывая небольшой перстенок с красным камешком на левом мизинце. – Это свояченица моего сына попросила возложить за нее на священные письмена. Чтоб ребенка ей Бог дал. Бедняжка десять лет замужем, а деток нет. Говорит, что мраморная скрижаль снилась ей не раз.

– Неужели это поможет?.. – почти шепотом проговорила хозяйка. – Я ведь, тетушка, тоже седьмой год замужем, а детей все нет. К каким только врачам да знахарям не обращались! Разуверилась почти, голову потеряла, не знаю, что и делать... вот, возьми эту цепочку, отнеси дар от меня Биби-ханым. Помолись за меня. Пусть и в моем доме детский голос раздастся!

– А вот голову терять не стоит! Муж тебя не заругает из-за цепочки? – заупрямилась было старушка, не решаясь брать цепочку. – Лучше спроси у него разрешение, а я в другой раз навещу тебя и заберу ее.

– Не заругает, будь спокойна, – насильно вложила цепочку в ладонь старушке молодая хозяйка. – Когда еще ты в наших краях будешь!

– Да, уж не скоро... – проговорила гостья, и засоби-ралась уходить. – Но ты будь уверена, я просьбу твою обязательно выполню. Увидишь: года не пройдет, как матерью станешь! А сейчас позволь покинуть твой дом. Путь у меня долгий, и пройти его я должна пешком. Непросто это старому человеку...

– Не боязно ли одной на дорогах? – посочувствовала хозяйка.

– Не волнуйся, детка, – улыбнулась гостья. – Бережного Бог бережет! А беда – она и в доме настигнуть может.

* * *

Через полтора месяца дом Халлы-Мансура был ограблен. Такого дерзкого (среди бела дня!) ограбления в районе и не помнили. Молодую жену Халлы-Мансура нашли в бане, связанную по рукам и ногам, с липкой лентой на глазах и губах. Счастье, что не убили. Когда бедняжку привели в чувство, она подумала, что уже на небесах, а врач в белом халате – это архангел. После с ней случилась истерика и допросить женщину, перенесшую тяжелейший стресс, удалось лишь спустя несколько дней. Когда она рассказала о женщине-паломнице, следователь предложил ей три фотоснимка.

– Только, пожалуйста, не волнуйтесь, – сказал он, раскладывая перед пострадавшей фотографии пожилой дамы с благообразным лицом. На них она была без головного убора и, как будто, помоложе. С фоторобота же смотрела... недавняя гостья!

– Да, да! Это она! – слезы потекли из глаз доверчивой хозяйки, руки ее дрожали. – Она рассказывала о «Шахинда», мраморном Коране, мечети Биби-ханым... Неужели все это неправда?!

– Нет, правда. Это находится в Узбекистане. И то, правда, что зовут «паломницу» Гулямова Диляра. Она же – Хаджи-ханым, Мешади-ханым, Мир-ханым, и так далее. Родилась в Дербенте, выросла в Баку, сидела в ... Да где только не сидела! Прозвище тоже вполне соответствует – «Бендер».

– Год рождения 1940... – читал с листа следователь. – Легко входит в доверие. Умеет расположить к себе, убедительна в разговоре. Хорошо осведомлена в вопросах теософии. Да-а, талантище! Жаль, не в то русло пустила талант свой. Из той комнаты, где она «молилась», весь двор, и постройки прекрасно просматриваются. А опыта и времени у нее оказалось достаточно. Говорят, наводчицей она и в молодости была умелой и изобретательной.

– Но спекулировать такими именами!... – бедную женщину передернуло от негодования. – Неужели можно до такой степени быть безбожницей?!

– У нее свой бог – Золотой Телец. И она его верная жрица.

– Она так достоверно описывала святые места... – тихо и растерянно произнесла пострадавшая.

– Я тоже иногда вижу их по телевизору, – усмехнулся следователь.

* * *

Это произошло несколько лет назад, но престарелую преступницу задержать не удалось. Правда, был обнаружен тогда же в приграничной лесополосе обглоданный шакалами труп пожилой женщины. Но кто опознал бы его, обезглавленный?.. А втоптаный в траву разбитый компас – не серьезное доказательство. «Паломница» не забрела бы в лесок нечаянно, компасом она пользоваться могла.

– Как на том камне начертано? «Воздастся каждому по делам его» – произнес следователь при осмотре останков. Их принадлежность не вызывала у него сомнения. – Оказывается, и ты можешь потерять голову.

СОРНЯК

Утром спешила на работу и не успела выбросить мусор. Уже в прихожей, роняя из рук то сумку, то зонтик, нацарапала на желтом листке с липучей полосой по краю: «Вынеси мусор!» Почему просто не сказала? Да потому, что ответ знала заранее: «Щас!»

Или – «Потом». Вот, чтоб не усугублять раздраженностью плохеющего настроения (вчера начальство уже сделало предупреждение насчет опозданий) и не стала кричать из прихожей сыну, почти двадцать минут досыпающему в туалете. Просто прилепила листок к зеркалу.

Все равно опоздала! Стоя, словно цапля, на одной ноге в набитом до отказа автобусе и теряя пуговицы, отдираемые локтями и сумками сходящих пассажиров, без конца дула на прядь, упавшую на нос и издевательски щекочущую. Только бы не чихнуть! Если чихнуть, утереть нос будет нечем – до платка не дотянуться. Придется, сгорая от стыда и духоты, хлюпать носом и дожидаться удобного момента, чтоб вытереть коварно дрожащие в ноздрях капельки влаги. Потом, сломя голову, неслась к проходной и вверх, на девятый этаж, по крутой винтовой лестнице, добросовестно «закрученной» еще пленными немцами в сороковых годах – из-за какой-то поломки не работал лифт. На широкой двери коридора было приклеено новое предупреждение: «Рабочий день начинается не у парадного входа, а на рабочем месте! В 9.00!» Два нуля напоминали недремные очи начальства и заставили сконфузиться. Уже 9.15! Течение всего дня было предрешено...

Интересно, какую ногу имеют в виду, когда говорят «встал не с той ноги»? Какая нога – «та»? Кама готова вставать с кровати, оперевшись на голову, лишь бы день оказался удачным! Вот и сегодняшний не оказался счастливым исключением в длинном ряду «черных». Ну, уж, поменьшей мере, темно-серых.

Первое, что увидела Кама, вернувшись домой и, войдя в прихожую, был желтый листок на зеркале: «Внеси мусор!» «Щас!» – приписано на нем рукой сына. Будь настроение Камы немного лучше, остроумие лентяя вызвало бы у нее улыбку. Но только не сегодня! Сейчас она могла надеть ему на голову мусорное ведро! Он еще издевается! Бедная женщина думала, что, вернувшись с работы, отойдет в домашнем тепле, отдохнет и, в конце концов, перевернет эту мрачную страничку жизни, которую, изнывая «читала» почти двенадцать часов.

Кама пила чай и смотрела на кучу грязного белья в корзине и немытую посуду в раковине. Хорошо, что вода идет: сейчас она допьет чай и заведет стиральную машину. Будет бежать из ванной в кухню, из кухни в ванную, чередуя отжимание белья и мытье посуды. Кама поставила недопитую чашку на стол и подошла к подоконнику. Здесь размещалась маленькая «оранжерея», предмет ее гордости – довольно емкий удлиненный ящик для цветов с яркими петуниями редкой синей окраски. В домашних условиях и при хорошем уходе садовая петуния приспособилась к многолетнему и непрерывному цветению. Она радовала хозяйку множеством неоновых-синих цветков в окружении бархатных листочков. Соседки и подруги пробовали брать отросточки на рассаду, но капризная красавица ни у кого не приживалась. Камин подоконник был исключением. Синяя петуния предпочитала только его!

Еще одно огорчение: в ящике с цветущими стеблями петунии с недавних пор завелся непрошенный гость, какой-то вьющийся сорняк. Кама выпалывала его до последнего, казалось, волоска корней. Но он появлялся вновь уже наутро! Этот негодник очень удачно имитировал стебли и листья петуний, но небольшие «усики», которыми цеплялся за основание венчиков, выдавали его. Только вчера Кама как гребнем прошла по цветочному ящику, вычесав все побеги «усатого» нахала-сорняка. А он снова – тут как тут!

Пытается обмануть хозяйку, выпячивая свои листочки, такие же нежные и бархатистые, как у петунии. Рассерженная сорняком-лицедеем, Кама собралась снова расправиться с ним, но тут постучали в дверь.

– Камочка, детка, можно я посмотрю у вас телевизор? – спрашивала соседка, старая тетя Надияла. Кама называла ее «тетя Надоела». Разумеется, не вслух. Старушка гордилась своим редким экзотическим именем. И не любила, когда соседки сокращали его и называли просто Надей. – Скоро сериал начинается, а эти паршивцы (она имела в виду внуков) снова видик подключили!

– Да-да, конечно, проходите, – скрепя сердце, вежливо ответила Кама, предвкушая бесконечные комментарии старухи к словам и действиям героев очередного телемексиканского «перла». У Камы усиливалась головная боль, с которой весь день безуспешно боролась. Как со своим сорняком-нахалом.

– Ты представляешь, Камочка, эта ведьма Лусия – Орнелия решила сказать бедному Алессандро, что беременна от него! Лишь бы женить на себе! – тетя «Надоела» так искренне возмущалась, направляясь к креслу перед телевизором. Можно подумать, интрига была нова и необычна. – А Фернанда, по-моему, окажется дочкой дона Оррахио. Да, точно!

Кама с ненавистью посмотрела в спину назойливой старушке, но сцепив зубы, как могла почтительно, спросила:

– Вам чаю принести, тетя ... Надияла?

– Ох, детка, если тебя не затруднит! – с радостью ответила старуха. А что, Кама, ты ждала отказа? Вот теперь иди и заваривай свежий чай! В прошлый раз эта баба-яга сказала, что не пьет «одноразовых пакетиков». И варенье тутовое не забудь – ей понравилось!

– Как хорошо, что есть эти сериалы! Целыми днями словом перекинуться не с кем. У внуков наушники в ушах, у

детей – пробки. Только тем и живу, что смотрю эти благословенные сериалы.

– Долго же ты проживешь! – подумала Кама и пошла на кухню, обеспечить старушке полный «сервис» при просмотре мексиканского кинематографического чуда.

В голове будто гудел церковный колокол! Держа ладонь у виска, Кама поставила заварной чайник на плиту и принялась выпалывать сорняк из своих замечательных синих петуний. Она ожесточенно расправлялась с сорняком, срывая на нем всю злобу сегодняшнего дня с ненавистой старухой – Надоелой в финале. Внезапно кончик носа защекотало. Кама отбросила на стол выполотые стебельки с крошечными усиками и потерла пальцами нос. Ах, что за чудесный запах! Откуда он? Неужели прилипший к пальцам аромат принадлежит этому дурацкому сорняку? Какая прелесть – волшебное сочетание лимона, розы, мяты. И еще что-то, похожее на жимолость. Кама зажмурила глаза и нюхала растертый пальцами листок лже-петунии. Почему она раньше ничего такого не чувствовала? Кама вдруг заметила, что головная боль прошла. Совсем! Кроме того, утихло раздражение, растаяла злоба. Словом, рассеялись все отрицательные эмоции. На сердце стало легко, а на душе спокойно. Соседка-старушка что-то говорила и спрашивала, но Кама не обращала внимания. Вероятно, началось сопереживание бурным мексиканским страстям.

– Надо же! Холю бестолковую красавицу-петунию и своими руками уничтожаю такое чудо! Интересно, что это за растение? Вот тебе и сорняк! – размышляла вслух Кама, успокоенная и умиротворенная своим неожиданным помощником. – Прости, дружок, что не распознала тебя прежде. А я думаю, вот, негодник, как за жизнь цепляется! Ну, расти, расти. Только, пожалуйста, за венчики не цепляйся...

Кама поставила перед соседкой чашку с чаем и розетку с тутовым вареньем.

– Ой, Камочка, чем это у тебя чай пахнет? Что за прелесть! Я и снохе всегда говорю, что никто чай так не заваривает, как ты. Она обижается. И зря! Вообще, не поверишь, какая она...

Кама была неинтересна точка зрения старой женщины относительно невестки. Она еще раз улыбнулась мыслям о сорняке: необычный аромат шел от чашки, ручку которой Кама держала в пальцах, пахнувших им.

– Тетя Надияла, вы меня извините, но я сегодня так устала на работе. Когда досмотрите, выключите телевизор сами, а дверь просто захлопните, я хочу прилечь.

– Конечно, детка, иди, отдыхай, – с готовностью согласилась старушка, смакуя варенье.

Кама, забыв про грязное белье и немытую посуду, прошла в спальню. Улеглась в постель. Еще не было девяти часов, но так хотелось спать! Кама положила под правую щеку ладонь, пахнущую лимоном, розой, мятой и жи-молостью. Уплывал куда-то трудный день с давкой в транспорте, грозным начальством, назойливой соседкой и немытой посудой.

– Ма! Кушать давай! – крикнул с порога сын, едва захлопнув входную дверь.

– Щас! – шепотом ответила Кама и тотчас уснула.

ДВА ВЗГЛЯДА НА БРАК

Битый час держала меня на телефоне Алия, выплескивая в ухо, как помой в сточную яму, свое недовольство жизнью.

– Неужели так и кончится моя жизнь среди груды грязного белья, кипящих кастрюль, пылесосов и мясорубок? – давясь горьким комом в горле, стонала Алия. И ей не нужен был мой ответ. Вспотевшего и задубевшего уха подруги вполне хватало. – Этот жирный боров (т.е. – муж) давно меня в упор не видит. Я уже не человек! Я агрегат по отстирыванию его вонючих носков, приготовлению пищи и завязыванию галстуков! Представляешь, этот урод до сих пор и галстук не научился завязывать сам!

– Неужели?..

– Ужели! Все оставила ради семьи – работу, карьеру, успех... И все – зря! Нет, ты меня не поймешь! Вчера он мухобойкой хлопнул меня по плечу. Ой, говорит, я думал, муха на тебя села. Ну, что скажешь, милая? Он забыл, что у меня родинка на плече! Он двадцать лет ее видит и...не видит! Какая Нуша умница, что не вышла замуж! Счастливая!..Нет, хорошую вещь браком не назвали бы!

Вся речь обиженной, расстроенной, уставшей от заевшего быта Алии состояла из сплошных восклицательных знаков.

– Наверное, он пошутил, – попыталась я успокоить подругу. – Не придирайся к ерунде.

– Ерунда?! – не дала мне договорить Алия. – На эротических картинках такие родинки специально рисуют!

– На картинах и мужчины – сплошные ален-делоны и рыцари.

– Ага, а через двадцать лет они же – сквалыги с небритым тройным подбородком, которые храпят во сне, как бетономешалки.

Слушая подругу, я представляла себе, что наговорил бы о ней муж, будь он моим собеседником. Наверняка, назвал бы жену склочницей, камнедробилкой или бензопилой. Тут в телефонной трубке раздались характерные щелчки – сотовый срабатывал. Нет, не мой, Алии.

– Извини, мобильник звонит, – мгновенно изменила тон моя «разнесчастная» подруга. – Слушаю, Мамедик! Да, я говорю с Гюлей. Хорошо-хорошо, сейчас перезвоню. Ты не забыл мою просьбу? Ладно-ладно, сейчас...

– Не обидишься, если чуть позже позвоню к тебе? – торопливо извинялась Алиа. – «Кормилец» на базар собрался. Надо напомнить ему, что купить.

– Конечно, конечно, бывай, – даже обрадовалась я. «Обидишься»! Да я трижды благодарна ее мужу! Избавил меня от этой утомительной, бессмысленной и абсолютно не изменившейся за последние десять лет исповеди. Хотя дела у нее, как я поняла, не так уж плохи. Утрирует. Я потеряла свое бедное ухо и, вздохнув с облегчением, опустила телефонную трубку на рычажок. Но (о, ужас!) телефон мгновенно зазвонил вновь.

– Здравствуй, дорогая, – услышала я тихий голос Нуши, другой своей подруги, и поняла, что ближайший час другое мое ухо разделит участь задубевшего. Думаю, не стоит передавать весь наш разговор с незамужней подругой. Скажу только, что ее исповедь представляла прямую противоположность сказанному Алией.

– Ну, скажи, чем я хуже других? Уродлива, глупа, неумела? Почему мужчины предлагают мне только дружбу? Они думают, что нытье о нерадивых женах и неудачном браке трогает меня? А куда прежде глядели? Почему меня, к примеру, не видели? Мне что, так и помирать в одиночестве, мечтая о рубашке, которую нужно погладить мужу, или клубничном варенье, которое буду варить для него? – всхлипывала на другом конце провода Нуша. Все ее фразы закан-

чивались мокрыми и солеными от слез вопросительными знаками.

– Я недавно встретила на базаре Мамеда. Алькиного. Он немножко поправился, но ему идет. Эдакий миленький толстячок (помните, как назвала мужа Алия – жирный боров?..) Носился по базару с сумками и пакетами, весь вспотел, бедненький. А все, чтоб жене угодить. Счастливая она! Такого парня ухватила!

Я понимала, как несладко Нуше, как грустно думать, что и в грядущий праздник придется самой себе делать подарок и встречать Новый год у телевизора, с телефоном в руке и – одной.

– Все не так трагично, Нуша. Наверняка, и Альке есть чему позавидовать у тебя. Никто не брюзжит из-за остывшего чая, не храпит под ухом...

– Спасибо, – перебила меня Нуша, – я понимаю, что ты хочешь успокоить меня. Не надо, не утруждайся. Никто не убедит меня в том, что одиночество – это счастье.

– Нуша, дорогая, что же тебе мешает сойтись с Каримом? Он ведь столько лет сохнет по тебе, – давала я совет подруге по принципу «на безрыбье и рак – рыба».

– Пусть он хоть до смерти рассохнется! Ни за что не соглашусь! Зачем мне «двоюродный муж»? Я своего хочу, родного, неделимого! – возмутилась Нуша. Но, чуть помявшись, добавила, – Да и не нравится он мне.

– С этого и начинай! Чересчур ты у нас привередливая.

Что дельного я могла посоветовать своим подругам, разглядывающим один и тот же вопрос – брак – с разных точек? И сама-то я, побывавшая и замужем, и незамужем, не могу ответить четко – что же лучше? В обоих состояниях есть и положительные, и отрицательные моменты. Мой телефон для подруг – это нечто, похожее на телефон доверия. Так что, звоните, дорогие женщины. Советовать – мне. А решать – вам!

КОГДА ДЛЯ СМЕРТИ НЕТ ПРИЧИН

– Игорь Соломонович! Умоляю, не щадите меня! Я хочу знать правду! – положив руку на грудь и страдальчески глядя на доктора, шептала посетительница.

– Поверьте, именно о ней я Вам и толкую, – уверял ее Игорь Соломонович, с трудом сдерживая раздражение. – Ваш супруг абсолютно здоров!

– Почему же я слышу сомнение в Вашем голосе? – не унималась пожилая дама, озабоченная состоянием здоровья своего 96-летнего мужа. – Вы явно что-то скрываете, доктор!

– Вы правы, – откинувшись в кресле и зажмурив глаза от внутреннего негодования, ответил доктор, заставив женщину вздрогнуть. – я пытался скрыть свое удивление.

– Чем? – изумилась посетительница.

– Именно тем, что он аб-со-лют-но (!) здоров в свои 96 лет! У него сердце матадора, легкие трубача, печень космонавта и почки водяной мельницы!

– Но у водяной мельницы нет почек! Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, – негодуя, перебил ее доктор, – что его почки работают в ритме водяной мельницы! Бесперебойно и четко выполнял свои функции. Почему вы так упорно пытаетесь обнаружить брешь в той тверди, которую представляет здоровье уважаемого Льва Борисовича?

– Твердь, говорите? А как же ухудшение слуха? Он ведь ничего не слышит без слухового аппарата! – тянула жилы из доктора супруга Льва Борисовича. – А отчего у него случаются головные боли? Вот, взгляните на снимок.

– Как! Вы уже и снимок сделали? – Игорь Соломонович засунул кулак в карман халата, чтоб не стукнуть им по столу. Он взял левой рукой снимок, напоминающий пиратский флаг, отвел его к свету, помолчал несколько секунд, изучая содержимое черепа почтенного Льва Борисовича. –

Полный порядок! Ничего нет в голове Вашего супруга. В чем я и не сомневался.

– Игорь Соломонович! – обиженно поджала нелепо напوماженные губы пожилая женщина. – Что Вы такое говорите? «В голове ничего нет» – что это значит?!

– Не цепляйтесь к словам, уважаемая, – сердито ответил доктор. – Это значит, что нет причин для беспокойства. Ваш муж здоров. Здоров!!! И здоровье у него завидное!

– Тьфу-тьфу-тьфу, – постучала по столу женщина. Она вздохнула и стала убирать в сумочку медицинское досье и рентгеновские снимки мужа. По выражению лица было видно, что доктор все равно не убедил ее. – Я забыла сказать: он стал разговаривать во сне. И такую чушь несет!

– Немало людей делают это и наяву...

– Но я так боюсь за него! Не могу представить, что Левушка может... – женщина всхлипнула, – ... может ... умереть...

– У Вас нет причин для беспокойства, – уже мягче произнес доктор и, улыбнувшись, добавил, – а у Льва Борисовича нет причин для смерти. Передайте ему мой горячий привет.

Когда супруга почтенного пациента затворила за собой дверь, Игорь Соломонович негромко выругался и выпил залпом стакан воды. Он понял, что вконец измотан старухой и не в состоянии продолжать прием. Доктор снял халат, повесил его в шкафчик и скорчил гримасу своему отражению в зеркале, скосив глаза и высунув язык. Понадобится не один час отдыха, чтобы полностью избавиться от раздражения, вызванного заботливой супругой Льва Борисовича. Доктор радовался предстоящим выходным дням.

... В воскресенье вечером раздался телефонный звонок. Игорь Соломонович сделал жене знак не звать его к аппарату.

– Его нет дома, – ответила жена и вдруг растеряно посмотрела на мужа. – Успокойтесь, дорогая, я обязательно передам ему. Да-а...не волнуйтесь, крепитесь, милая.

– Кошмар какой-то! Лев Борисович умер! – качала головой жена. Игорь Соломонович вскочил с кресла.

– Как?! От чего?! – недоумевал доктор. – Дождалась, накликала-таки, старая выдра!

– Не надо так, Игорек! – вздыхала жена. – Бедняжка едва говорила. Они столько лет прожили вместе! Тяжко ей, такая нелепая смерть... Говорит, что Лев Борисович впервые забыл дома слуховой аппарат и не услышал, как сигналила машина – у водителя, т.е. у автомобиля, отказали тормоза. Сбил старика... Еще говорит, не зря ее тревога не покидала, хотя ты убеждал, что причин нет.

– Да-а, – задумчиво протянул Игорь Соломонович. – Я сказал, что у нее нет причин для беспокойства, а у него нет причин для смерти. Отшутился. Когда для смерти нет причин, она находит повод...

ОБЛОМ

Молодую женщину с кожей цвета гранул быстро-растворимого кофе, судя по всему, тяготила назойливость дурно воспитанного мужчины, каждая реплика которого сопровождалась идиотским «гы-гы-гы», то бишь, смехом. Подумать только, приехала на турецкий берег отдохнуть от «своих» и, на тебе – они и тут окопались! Такое впечатление, что эти, курортные свистуны тянулись за ней по всему периметру Чёрного моря. И в Крыму доставали, и в Сочи, и в Варне, и в Анталье добрались! Конечно, она не против какого-нибудь миленького курортного романчика. Но не с таким же кабачком! Вон, тот высокий красавец, что лежит в трёх метрах, отвернув лицо в противоположную сторону, был бы ей интересен. К сожалению, он так ни разу и не взглянул на неё. Ой ли? Тому «Аполлону тоже казалось, что «кофейная» дама до сих пор не заинтересовалась им. Надо сказать, это его удивляло и огорчало.

Другие обитательницы пляжа не скрывали призывных взглядов и томных полуулыбок, изучая его красивое лицо и мужественное тело.

– Мне что, вызвать полицию? – услышал Тофик (так звали нашего курортника) возмущенный голос девушки. Он повернул лицо в ее сторону и увидел, как назойливый тип в дешевых плавках и дорогих часах пытается взять купальщицу за руку. Тофик поднялся, стряхнул песок с колен и рук, подошел к незадачливому ухажеру и обратился к нему на своем родном языке.

– Браток, оставь женщину в покое. Ты же видишь, ей неприятно! Почему она должна думать о нас плохо? Пойдем-ка, лучше, выпьем пива.

– И вправду! – последние слова Тофика погасили искру агрессии, вспыхнувшую было в черных зрачках нахала, и он с радостью согласился. – Ну ее к чертям! Пошли пить пиво!

Какой однако дипломатический малый этот Тофик и ссоры избежал, и с земляком, поякшался. Через полчаса он вернулся на прежнее место и, к своему удивлению, застал «кофейную» пляжницу там же. Приподнявшись и оперевшись на локти, она посмотрела в его сторону, осыпав снопом голубых искр (неужели ему это почудилось?)

– Спасибо, молодой человек! А куда Вы его дели? – спросила она игриво.

– Убил и закопал. Не волнуйтесь, его не найдут, я сверху пивной ларек поставил, – в тон ей ответил Тофик.

– Меня зовут Илона, – девушка протянула Тофику руку. – Вы доставляли мне такое удовольствие все три дня, что мы тут валяемся!

– Разве? – изобразил удивление Тофик. – Чем же, позвольте Вас спросить? О бесконтактном сексе я еще не слышал.

Илона рассмеялась. Ей понравилась коммуникабельность молодого человека.

– Тем, что лежали тут три дня, отвернув лицо, да без «поползновений». Это такая редкость!

– Понял, – Тофик сделал театральный жест и отступил на шаг назад. – Поползновения отменяются. Простите, милая девушка, но, покидая вашу территорию, скажу свое имя: меня зовут Тофик. На всякий случай. Вдруг снова понадобится вышибала – позовете.

Таким образом, знакомство состоялось. Оставалось завести «морскую» дружбу. А там – видно будет. Тофик и Илона разговорились и скоро выяснилось, что они почти земляки – эсенговец и эсенговка. Ей двадцать восемь лет, она художник-оформитель, разведена, детишек нет, в ж/п и

м/о, как говориться, не нуждается. Сейчас наслаждается коротким отпуском на малоазиатском отрезке чудесного морского пляжа, по берегам которого добрососедствуют такие разные и такие похожие народы. Вот теперь Тофику удалось внимательнее разглядеть свою новую знакомую. Похоже, курортная авантюрка не за горами. А почему, собственно, авантюрка? Девушка не просто хороша – она чертовски хороша! Уровень интеллекта достаточно высок. А тело так и пышет здоровьем! Стройная, но не тощая – есть за что ухватиться на крутой лесенке. «Кофейная» кожа натянута на бедрах, как на барабане. Плечи «немодные», покатые, женственные. Они обязательно должны носить декольте и легкую кружевную накидку. К таким плечам хочется прижиматься губами. Нежно, ласково... А глаза! Они будто вычеркнуты из этого лазурного моря – не вероятно огромные голубые зрачки. Что там говорят о таинственной улыбке Джоконды? Отдыхайте, Мона Лиза! Вероятно у Вас, пардон, плохие зубы. Улыбка Илоны ослепила бы и самого Да Винчи. А еще Тофику понравилось, что купальник на Илоне не выпускает за рамки приличия «закадровые» части восхитительного тела. Это означает, что контакты с противоположным полом допускаются в разумных пределах. Тофик был далеко не аскетом, поэтому кое-какой опыт в отношениях с женщинами имел. Их хитрости находились в гармонии с его шалостями. Но эта девушка его заинтересовала.

– Вы женаты?

– Для Вас – нет.

– Вы ничего не сказали о своей профессии. Хотите, угадаю?

– Вряд ли получится.

– Давайте поспорим, – настаивала Илона, – Если не угадаю, позволю себя поцеловать.

– Тогда позвольте сразу! Все равно не угадаете, – усмехнулся Тофик.

– Вы умеете отвлечь и договориться, не давите, но в приоткрытую щель просачиваетесь сразу, – несколько задумчиво произнесла Илона. – Я, действительно, зат-руд-няюсь... вы следователь?

– Целовать сразу или сначала поужинаем вместе?

– Неужели ошиблась? – судя по интонации, Илону это не очень огорчило. – Но Вы меня заинтересовали. Можно еще одну попытку?

– Мы так не договаривались!

– Я согласна на «штрафной» поцелуй. Очень жаркий!

– Ну, если так... – кивнул головой Тофик.

– Вы имеете отношение к медицине?... – неуверенно спросила Илона.

– Имею. Но это не считается! – запротестовал Тофик.

– Ура-а-а! – захлопала в ладоши Илона.

– Чему Вы так рады? Не хотите, чтоб я Вас целовал? – вскинул брови Тофик. – Вы жульничаете, милая девушка!

– Нет, я от своих слов не отказываюсь, – ответила Илона. – Вы врач? Терапевт?

– Хирург. Гинеколог. – Боже, зачем он это сказал?!
Вслед за изумлением и восторгом пошел такой шквал вопросов относительно женских недугов, которые, как выяснилось, знакомы и этой Афродите! Теперь он знал и об ее воспалении, и о загибе, и об эрозии, и о подозрении на кисту и фибромиому. Словом, весь букет гинекологических заболеваний благоухал в прекрасном «кофейном» теле русалочки! К концу консультативной беседы взгляд Тофику был уже не таким теплым, а речь не такой выразительной.

– А почему Вы приуныли? – спохватилась Илона, заметив перемену в молодом человеке.

- Вам показалось...
- Можно задать вопрос? – томно, с негой в голосе спросила Илона. – Немножко нахальный...
- Слушаю.
- Скажите честно, Вам не хочется меня раздеть?..
- Уже раздел. Мысленно.
- И что? – у Илона заблестели глаза.
- И ужаснулся...
- Хам!
- Возможно, – Тофик поднял свое полотенце и отправился пить пиво. Черт побери! В другой раз говори, что ты следователь, болван!

ВСТРЕТИМСЯ ЗАВТРА!..

Рухсара-ханым была довольна выбором своего сына. Нечасто такое случается при нашей, как сейчас говорят, ментальности. Чаще всего в их краях невесту сыну подбирали родители. Надо сказать, что такие браки, вопреки общепринятым представлениям о любви, оказывались более прочными. То ли традиции семейственности, то ли постоянное присутствие рядом старших родственников, то ли что-то еще, чему нет пока объяснения, но браки «по назначению» практически не прерывались разводами. Старики и прежде утверждали, что молодые люди из одного сословия, одинакового социального уровня, достатка, условий воспитания создают более надежные и прочные семьи. И такие правила были когда-то характерны не только для Востока, а и вообще для всего «старого мира». Но, кажется, я отвлеклась... И верно, рассуждая о «допустимых и недопустимых» браках, можно забрести в такие дебри!

Итак, Рухсара-ханым выбор сына одобрила сразу: Сусан девушка славная! Сусан – в переводе «цветок ириса». Камал и называл ее Ириской. Она была невысокая, смуглая, с тонкими чертами и дивными агатовыми глазами мин-далевидной формы. Рухсара-ханым знала девушку еще ребенком – дети учились в одной школе. И с родителями ее была знакома, очень достойные и уважаемые люди. Когда Камал и Ириска учились на втором курсе (он в Нархозе, а она – в АЗИ), их обручили. Прошло два года и сейчас полным ходом шли приготовления к свадьбе. Радостные хлопоты!

Какой черт дернул Рухсару пойти на поводу у снохи и почти в канун свадьбы сына заглянуть к Фаине Якубовне, к этой сладкоязычной ядовитой змее, лицемерке и притворщице!

– К Фаине Якубовне приехала сестра из Татарстана, – убеждала золовку Дильгушад. – Так гадают, так верно говорит! Наши были у нее позавчера. Зулейха челюсть рукой поддерживала, чтоб не отвалилась: будто под рентгеном все видела!

– Слышала, слышала уже о твоём «Нострадамусе». Кюбра-биби тоже ей трешник пожертвовала. Дура-баба! Все плачет, что концы с концами едва сводит, а сама деньги на гадалок выбрасывает. И чего ей нагадают в восемьдесят-то лет? Нет, Дили, ты же знаешь, как я к этому отношусь. Да и на кого мне гадать?

– На детей! Посмотри, что да как. Неужели тебе судьба молодых неинтересна?

– Я молюсь об их благополучии, – остановила ее Рухсара. – Иншааллах, будут счастливы!

– Тем более, ничего от тебя не убудет, – настаивала сноха. – Мне и самой надо за дочку посмотреть. Одна не хочу идти.

– Ты в своем уме? Лале двенадцать лет! О чем гадать? – возмутилась Рухсара, но тут же засмеялась. – Повезло тебе, что никто из нас не пошел к гадалке до вашей с Юсифом свадьбы. Представляю, что она сказала бы: Не берите ни в коем случае – у нее в голове солома!

– Не хочешь на сына погадать, не надо, – обиженно поджала губы Дильгушад. – Просто со мной пойди.

– Ладно, не сердись. Только не сегодня и ненадолго.

– Договорились: завтра вечером, после шести, – ожила Дильгушад.

* * *

Сестра Фаины Якубовны оказалась дамой довольно привлекательной наружности: белолицая, чернобровая, зеленоглазая женщина лет шестидесяти. Улыбчивая змея Фаина приветливо встретила Рухсару с Дильшад и, представив им сестру, Рахиму, ушла в другую комнату. Чтоб не смущать своим присутствием. Хотя Рухсаре иногда слышался скрип половицы за неплотно прикрытой дверью. Наверняка подслушивает, кобра! Очень неприятная женщина. Вроде и не сделала ей ничего дурного, миловидная, всегда улыбается при встрече, говорит – как мед льет. А недолюбливает ее Рухсара! Как будто что-то изнутри отторгает ее.

Дильшад села за небольшой столик, накрытый чистой белой скатертью, готовясь выслушивать «пророчества» заезжей татарстанской вещуньи. А Рухсара отошла к креслу в углу комнаты. Она еще не успела присесть, как услышала сказанные ей в спину слова Рахимы:

– Сабантуй у вас намечается?

– Какой еще сабантуй? – обернулась Рухсара. Они с Рахимой встретились взглядом. У Рухсары по позвоночнику поползли «мурашки». Ну и глаза у этой женщины! Прямо, кошачьи. И такие прозрачные, аж мозги видно.

– То есть, свадьба, по-вашему – как-то не очень весело ответила она. И, сделав короткую паузу, вяло добавила, – Не судьба...

Рухсару как кипятком обдали. Ведь не хотела идти! И разве просила она эту женщину погадать ей? Только из приличия Рухсара не нагрубила ей и не ушла, хлопнув дверью.

– А Вы не мне гадайте, а Дильгушад, – сухо проговорила Рухсара. – Это она ваша клиентка.

– Не сердись, сестрица. Ты же видишь, я и не открыла карт для тебя. Можешь и не верить, дело твое. Но та девушка не станет женой твоего сына и даже... нежелательно... – тут она осеклась.

Рахима, однако, была уже заинтригована. Она точно знала, что свадьба состоится! Ей захотелось уличить гадалку во лжи, а заодно и доказать своей снохе – гусыне, что все эти гадания – чепуха.

– Ну-ну, продолжайте, – спокойнее произнесла Рухсара и села, наконец, в кресло.

– И не знаю, как сказать, – колебалась Рахима. Вдруг – как выдохнула: «Она убьет его!»

Слова, тон, лицо зеленоглазой Рахимы ввели в оторопь бедную Рухсару. У нее перехватило горло.

– Ириска? Убьет? Камала? – несвязно переспрашивала она. И, переведя взгляд на хлопающую выпученными глазами и ерзающую на стуле сноху, грубо сказала, – Говорила я тебе, глупости все это? Вставай, пойдем!

– Не кипятись, сестрица, – попыталась успокоить ее Рахима. Зря она это сказала! – Ты же сама просила договорить. Вот и я и сказала. А ты не верь, дорогая.

Но червь сомнения, тревоги и страха уже внедрился в сердце Рухсары и обустроивался там.

Описывать последующие события нелегко. Всегда уверенная в себе, жизнерадостная оптимистка Рухсара превратилась в беспокойную, агрессивную, ворчливую бабу. Она не спала ночей, потеряла покой сама и лишила его окружающих. Склоки, дразги, недовольство сделали свое дело. Бедная мать, пытавшаяся отвести беду, так и не понятая ни сыном, ни мужем, ни остальной родней, добилась того, что свадьба была расстроена. Никто и не смог толком понять: Что же в такой славной девушке, как Сусан, вдруг остервенело Рухсару? Что еще до свадьбы превратило ее в свекровь – злыдню?

Так или иначе, но свадьба не состоялась...

* * *

Почти двадцать лет прошло с тех пор. Сусан, милая Ириска с очаровательными миндалевидными глазами через год вышла замуж и переехала в Баку. Муж у нее очень хороший человек, любящий и внимательный. Но достатка в семье нет. У мужа больные почки, и практически все деньги уходят на его лечение, на дорогие лекарства. Спасибо, братья его помогают, понимая, как трудно Сусан в такие сложные времена нести на своих плечах хозяйство и поднимать детей. А дочки у них, слава Богу, чудные! Скоро закончат школу и начнутся другие волнения – ВУЗ, работа, иные проблемы, сопряженные со «светлым будущим».

Сегодня Сусан, несколько располневшая и утомленная, но все еще достаточно миловидная, была в хорошем расположении духа. Приехала сестра, разумеется, с гостиницами, и несколько дней ей удастся отдохнуть от домашних дел. Приезд сестры всегда радовал. Она жалела Сусан и помогала по хозяйству, занималась стиркой, уборкой, приготовлением

еды. Сейчас же ее приезд был очень кстати: муж лежал в больнице, и Сусан сможет уделять ему больше времени.

Схватив Сусан за рукав, сестра, явно чем-то взволнованная, потащила ее в кухню.

– Садись, – возбужденно начала она, – а то упадешь! Что я тебе расскажу! Угадай, кого я сегодня встретила? Ни за что не догадаешься – Камала! Я его сто лет не видела...

– А я еще сто лет желаю!.. – огорчилась Сусан. – Не хочу ничего о нем слышать. И без него жить тошно...

– И зря! – зашипела сестра. – Если б ты слышала его первый вопрос! «Как моя Ириска?» У него слезы в глазах стояли.

– Не «его»! и давно уже не Ириска. Так себе, затертый фантик от «Золотого ключика...» – Сусан тоже прослезилась эта тема. Ей тоже было больно. – Зачем ты мне об этом говоришь? Хочешь расстроить? У тебя получилось...

– Успокойся, дурочка. А почему бы вам не встретиться? Я, конечно, твоего мужа уважаю. Но ты так и проживаешь с разбитым сердцем всю жизнь! Что от тебя убудет, если вы встретитесь? Уверяю, Бог простит тебе этот «грех».

– Постыдись...

– И не подумаю! Столько лет прошло, а вы оба – да-да, оба! – не забывали друг друга ни на час!

– Прекрати...

– Сусан, – вдруг твердо произнесла довольная своим поступком сестра, – Камал позвонит тебе сегодня. Я дала ему номер телефона. И прошу – без глупостей! И без грубостей! Если ты не поговоришь с ним, я больше никогда к тебе не приеду!

Сестра, безусловно, любила Сусан и желала ей счастья. А вдруг эта встреча через двадцать лет вернет к жизни угасшую Ириску?

* * *

Они больше молчали, им говорили. Но телефон был занят около часа.

– Я позвоню тебе завтра после шести, и мы обязательно встретимся, – были последние слова Камала. – как я хочу тебя увидеть, Ириска!...

Но он не позвонил. Сусан ждала звонка несколько дней. Не дождалась. Она смотрела с укором на сестру, а та, чувствуя себя виноватой не находила слов утешения.

– Ничего не понимаю, – рассеянно бормотала сестра. – Не могу поверить, что он притворялся.

А Сусан снова смирилась с судьбой. И хорошо, что так получилось. А вдруг за встречей с Камалом потянулись бы какие-нибудь неожиданные перемены, новые сердечные муки, семейные проблемы? Нет, Бог пожалел ее и не стал подвергать искушению! В одну реку не войти дважды...

* * *

Через два дня после отъезда сестра позвонила Сусан.

– Сусан! – кричала она в трубку телефона. – Он не обманул! Он любил тебя! Всегда!

– Что происходит? Что ты кричишь? – обеспокоено переспрашивала растерянная Сусан.

– Он умер! – плакала сестра на другом конце провода. – В тот же день, когда позвонил тебе! С Камалом случился сердечный приступ. Видно, очень переволновался тогда. Помнишь, это было пятого апреля? Я здесь узнала, завтра Сороковины...

Сусан положила трубку и долго стояла, бездвижно и молча. Слезы текли по щекам и капали на сомкнутые у губ пальцы. Все капали, капали, капали...

ТОЛМАЧ-МИРОТВОРЕЦ

Добрососедство и мирное сосуществование – нередкое явление в этих краях. Но большое и богатое село Сары – сувари, расположенное в сказочно-живописном уголке Земли, возможно, один из самых ярких образцов того, как два полярно-противоположных народа способны веками жить рядом – без обид, склон и неприязни. И не просто жить рядом, а жить душа в душу! Прежде, говорят, село называлось Сары-тала. Из-за множества ярко-желтых цветов, выстилающих красочным ковром окрестные поля весной. Но позже слово «тала» (полянка) было заменено словом «сувари» (всадник). Все есть у сары-суваринцев: зеленые холмы и цветущие низины, хрустальные ручьи и изумрудные рощи, щедрая земля и сильные руки. И не только это. Есть у села и собственная легенда. А может, и не легенда вовсе. Кто знает... Но сельчане не сомневаются – именно так все и было! Как? Вот послушайте.

Очень старое оно, это село. Пришлых людей здесь прежде не бывало, а ближайшие сёла лежали не близко. Поэтому все жители покинули свои дома и вышли на небольшую сельскую «мейданчу», увидев обоз с двумя десятками светловолосых усачей верхом на уставших лошадях и еще двумя дюжинами женщин и детей в повозках. Был среди них и молодой смуглый мужчина. Как выяснилось, толмач при новых поселенцах, облюбовавших пригожие места.

– Эй, чурки дубовые, кто тут у вас за старосту? – громко крикнул в толпу на незнакомом языке усач – верзила на кауром жеребце. Тут к нему подошел тот, чернявый, встал рядом – кони бок в бок – и взял под уздцы каурого. Крепенько так ухватился, на «неровен час»...

– Он говорит, – «перевел» толмач, – здравствуйте, уважаемые! Можно ли поговорить с деревенским головой?

– И вам дай Бог здоровья, – вежливо ответил вышедший из толпы староста. – Слушаю вас.

– Скажи этому персюку, что мы решили тут стан разбить. Строиться будем, жить здесь будем. А кто недоволен – порубаем!

– Почему он так сердито говорит? Что ему надо? – полюбопытствовал деревенский голова. – И кто эти люди?

– Ты, отец, не обращай внимания, говор у них такой, – пояснил толмач старосте. – Этих людей русский царь согнал с родных мест, землю у них отнял. Вот они и мыкаются с детьми да старухами по миру. Добрых соседей ищут. Если позволите, у того холма лагерь разобьют, поживут, пока Аллах не смягчит чье-нибудь сердце... Можно ли погостить на вашей земле?

– От чего же на земле? – посочувствовал староста «горемычной судьбе» светловолосых сувари и их ребятишек. – Мы гостям всегда рады. Я распоряжусь, разместят их пока по домам. А потом поможем бедолагам отстроиться. Что ж им, век дороги топтать? Пусть остаются здесь. Я вижу, они люди неробкие. Будет и нам от них польза.

– Чего он разбулдыкался? – нетерпеливо спросил сердитый усач проводника. – Перечит? Так ты ему скажи, что порубаем...

– Нет, наоборот, ваши сабли да кони произвели впечатление, – ответил тот. – Старик предложил расположить вас у сельчан, пока не обустроитесь. Это мирные и добрые люди. Не надо их рубать да пугать. Попроси – сами отдадут.

Все это время сельчане молча слушали, ничего не понимали, но не встревали: когда говорит деревенский голова, мешать не положено – на то он и голова.

– Вот еще! Будем мы у них просить! У нас Государев Указ имеется, по реестру земли заселяем!

– Он говорит, – стал «переводить» проводник, – что очень тронут вашим великодушием. Его люди не потеснят вас. Кроме того, эти сувари, действительно, неробкие люди и отважные воины. Они и вашему селу выгоду принесут.

Пусть кто попробует, сунется! Вот, что он сказал, уважаемый.

– Храни его Аллах за добрые слова! Ты, сынок, скажи ему, что мы люди хоть и «от земли», но и сами порох сухим держим. Однако, прав желтоволосый всадник, двадцать хороших воинов на добрых конях и нашему селу не помеха.

Скоро приросло селение Сары-тала добротным приселком Суварино (понравилось чубатым всадникам слово «сувари»). А позже слились два названия, и стало большое село называться Сары-сувари. Буйный нрав пришлых всадников не раз смягчал «вольный перевод» чернявого толмача. И поэтому люди ладили меж собой. А когда научились понимать друг друга, уж и делить было нечего и незачем – у всех всего в достатке.

Проводник тоже остался жить в селе Сары-тала и много лет спустя говорил деревенскому голове:

– Вот ведь, как славно получилось, отец, и кузнецы у тебя в селе нынче свои есть, и пахари, и стрелки.

– А разве им здесь худо? И дом, и хлеб, и покой обрели. А ты молодец, – как-то хитро посмотрел деревенский голова на бывшего толмача, – свое дело знаешь. Добро к добру идет, а мудрость к мудрости. Согласен?

ДАВАЯ ДЕТЯМ ИМЕНА...

Рамазан был бесменным участковым одного из апшеронских поселков на протяжении двух десятков лет. Должность участкового для таких поселков – чисто символическая. Все более или менее серьезные споры и проблемы решались на уровне сельсовета или местных аксакалов. Но и у тех на памяти не было происшествий криминального свойства, где потребовалось бы вмешательство участкового милиционера. Однако должность Рамазана предусматривалась исполнительной властью. Вот он и был.

Ходил по дворам, чаевничал со стариками, поучал и без того почтительную молодежь и отгонял от себя греховную мысль о каком-нибудь из ряда вон выходящем злодействе, которое тотчас сам и раскроет. Чудак! Зачем ему такая «головная боль»? Начальство и без того им довольно – участок благополучный. Вот и медалью недавно награжден по случаю Дня милиции и за двадцать лет безупречной службы в ее рядах. Но вскоре радостное событие, происшедшее в жизни участкового чуть не создало почву для «упрека» в этой «безупречности».

Время шло. Закон преступать никому и в голову не приходило. И слава Богу! Как, скажите на милость, мог бы расследовать какое-нибудь правонарушение Рамазан, у которого в доме пять дочек и жена на сносях?

– Эй, Рамазан-ами, – еле переводя дух, кричал соседский мальчик, обнаружив участкового под навесом у духанщика Муртуза, – Разия-хала велела вам немедленно идти домой. Чтоб девочки одни не оставались.

– А чего это ей командовать вздумалось? Я на службе!
– вытирая пот из-под приподнятой фуражки, отвечал Рамазан. – Куда это ее опять понесло? К тетке, к бабке?

– Не-ет, ее в больницу понесло, – в тон ему ответил паренек.

– Ай-яй-яй! – хлопнул себя по коленкам Рамазан. – Неужели снова девочку родит? Вроде, не время еще. Ну, побежал я, брат Муртуз.

– Магарыч с тебя, если мальчик будет, – весело прокричал ему вслед духанщик.

Не подвела женушка, угодила на этот раз. Догадались, кого родила? Мальчика? Ага, сразу двух!

– Вот жена, так жена! – не мог нарадоваться счастливый Рамазан. Загибая пальцы, он перечислял. – Все успела до полудня: обед приготовила, белье выстирала, корову подоила, цыплят покормила, двор прибрала, да сынов родила!

– Верно, верно! – кивали головами односельчане, угощаясь за его счет у духанщика Муртуза. – Наши женщины не чета всяким империалисткам-белоручкам. Всем носы утрут!

– А как назовешь сыновей, Рамазан, – поинтересовался Муртуз. – Решил уже?

– Решил: Маркс и Энгельс! – гордо произнес Рамазан. – Уж гордиться так гордиться!

Надо сказать, что такое решение не удивило никого. И прежде мальчиков называли именами вроде Ленком, Комиссар или Большевик. Верность идеям коммунизма подчеркивали. Девочкам повезло меньше (?). Отсутствие категории рода в языке не позволяло назвать девочку, например, Революцией. Мужчины одобрительно закивали, выражая поддержку решению участкового, и стали наперебой желать детям всяческих благ. В конце концов, отцу мальчиков виднее.

– А ты хорошенько подумал, Рамазан? – с сомнением в голосе спросил духанщик.

– Что ты хочешь сказать? – удивленно вскинул брови Рамазан. Все вдруг замолкли и стали переглядываться в недоумении.

– Чем плохи такие имена? – продолжил вопрос участковый. – Разве есть люди, достойнее Маркса и Энгельса? Аа, понял: ты ведь у нас из рода Кербалаи-Джафарбека! А

вам, бекам и агаларам, наша социалистическая революция некстати пришлась.

Участковый был явно разогрет вином, и дело могло принять нежелательный поворот. Побледневший Муртуз замахал руками.

– Да что ты мелешь, Рамазан? Ради твоего же блага спросил. Вот, к примеру, как назовешь мальчиков, если напакостят? Негодники, паршивцы или, того хуже, собачьи дети? А как их имена при таком отчестве рядом поставить? Маркс Рамазан оглы или Энгельс Рамазанович? Тезки их, сам знаешь, атеистами были ... (чуть не сказал – безбожниками!)

Тут участковый и сам задумался. Действительно, как пожурить пацанов, если, вдруг, провинятся.

– Эй, Маркс, сукин сын! Снова соседу окно разнес мячом? И ты, Энгельс, ослиная башка, с ним заодно? – представил себе эту сцену Рамазан и аж передернулся от холодных «мурашек».

Дальновидность духанщика Муртуза помогла братьям-близнецам Максуду и Энверу получить «нормальные человеческие имена». А участкового Рамазана еще не раз прошибал холодный пот при мысли о том, как он чуть не совершил непоправимую ошибку, назвав сыновей именами «вождей мирового пролетариата». Точнее, их фамилиями.

Вам не понравилась эта история. Неактуальна? А вы представьте себе, каково было бы носить имена Маркс и Энгельс сыновьям Рамазана сегодня, в начале 2006 года. Так что, упокой Аллах душу духанщика Муртуза!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Чудеса из печали»

*Посвящается замечательному
прозаику Гюльшан-ханум*

Когда мы с тобой, мой друг не знали,
Сядь в кино на первые ряды,
Что чудеса творятся из печали,
А сказки из несбывшейся мечты.

Мы думали – они из мармелада,
Которым разукрашивают сны,
Единственной любви волшебных ягод
И ароматных фантиков весны.

...Бушует на холсте разлуке ветер,
Сердца пугая подлостью дорог.
И вот уже на волосок от смерти
Поставлено злодеями добро.

Кусает губы юный зритель в зале,
Сопит, глаза в сторонку отведя.
Негаданно Алёнушку спасает
Принц на коне, похожий на тебя.

Ликует мир, все счастливы в финале,
А в титрах – одиночество и ты...
Ведь чудеса творятся из печали,
И сказочной несбывшейся мечты.

Марина ЯНАЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Королева Восточной Мудрости (<i>Белла Мусаева</i>).....	3
Орлиное распятие	5
Наука бабушки Хавер.....	10
Язык знаков	14
Услышать от правнуков	20
Заключительная «ре-бемоль»	26
Аист ошибся адресом	31
Планета паучка.....	37
Экзотическое блюдо	43
Лекарство от головной боли	49
Не до смеха.....	52
Цена пресной лепешки	56
Счастливое выздоровление.....	60
Акварельный дождь.....	65
Почти новогодняя история	70
Воздастся каждому!.....	76
Сорняк.....	81
Два взгляда на брак	86
Когда для смерти нет причин	89
Облом.....	92
Встретимся завтра!	97
Толмач-миротворец	103
Давая детям имена	106
Вместо послесловия. «Чудеса из печали» (<i>Марина Янаева</i>)	109

Гюльшан Тофик гызы

ОРЛИНОЕ РАСПЯТИЕ

Баку, «Нурлан», 2006

Подписано в печать: 18.05.2006
Формат 60x84 1/16.
Объем: 7 п.л.
Заказ № 205
Тираж: 200

Издательство «Нурлан».
Директор: проф. Н.Мамедли
Тел: 497-16-32, 850-311-41-89
Адрес: Баку, Ичеришехер,
3-й Магомаевский переулок 8/4